

Гизум Герко

Мусорный
Фронтир

Мусорный Фронтир

Гизум Герко

Мусорный Фронтир

«Автор»

2026

Герко Г.

Мусорный Фронтир / Г. Герко — «Автор», 2026 — (Мусорный Фронтир)

Воздух здесь не дают просто так. Его покупают за железо, время и кровь. Я очнулся в разбитом челноке посреди Нулевой Зоны — гигантской дрейфующей свалки, которая перемалывает корабли и судьбы. У меня пробит дыхательный контур, на исходе вода, а из собеседников — только бортовой ИИ «САРА», чьи поведенческие фильтры сгорели при ударе, оставив один сарказм. Чтобы дожить до завтра, придется вспомнить, что такое настоящая инженерия. Собрать временный фильтр из мусора. Перекроить мертвый челнок в рабочую базу. Выковать из обломков инструмент, с которым можно выйти в пустоту и вырвать у нее еще немного ресурсов. Но в Нулевой Зоне не бывает тишины. Каждая починенная система, каждый запущенный генератор и каждый всплеск моего самодельного плазменного резака делают базу заметнее. В темноте за обшивкой уже кто-то скребется. И они пришли не спасать. Они пришли жрать живые контуры.

Содержание

Глава 1. Сирены и кровь	5
Глава 2. Не верный ингредиент	14
Глава 3. САРА без фильтров	21
Глава 4. Первый выход	27
Глава 5. Воздух и вода	33
Глава 6. Верстак из кошмара	40
Глава 7. Скрап-крысы	47
Глава 8. Тепловой след	54
Глава 9. Ледяной карман	60
Глава 10. Буксир «Мнемозина»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Гизум Герко

Мусорный Фронтир

Глава 1. Сирены и кровь

Сначала был звук.

Не мысль, не боль, не имя. Только аварийная сирена, рваная и настойчивая, будто кто-то бил ложкой по пустой трубе прямо у меня в черепе. Она не возвращала к жизни. Она просто доказывала, что жизнь еще не закончилась окончательно и теперь требует подписи в журнале происшествий.

Я вдохнул.

Воздух вошел тяжело, с кислым привкусом перегретого фильтра и старой пластиковой гари. В груди сразу скребнуло, как наждаком по внутренней стенке. Второй вдох вышел короче. Значит, давление было не нулевое. Значит, я не лежал открытым мясом в вакууме. Хорошее начало для плохого дня.

Потом пришла боль.

Левый бок отзывался резко и глубоко, не порезом, скорее ударом. Шея держалась хуже. Стоило чуть повернуть голову, как в затылке вспыхнула белая вспышка, и я решил, что героические вращения подождут. Правая бровь была залита чем-то липким. Я дотронулся пальцами, растер между подушечками. Кровь подсохла, фонтаном не бьет. Не приоритет.

Приоритетом был воздух.

Я открыл глаза.

Надо мной висела не потолочная панель, а ее нижняя сторона, сорванная с креплений и перекошенная так, будто челнок кто-то сжал в кулаке, потом передумал и бросил. Аварийные полосы мигали красным. Между вспышками отсек проваливался в серую темноту, где каждый предмет становился подозрительно похож на человеческие руки. В углу плавали мелкие хлопья инея. Они медленно тянулись к правой стенке.

Нет. Не стенке. К тому, что раньше было правой стенкой.

Я заставил себя не дергаться. В аварии резкое движение почти всегда означает, что ты просто быстрее столкнешься со следующей проблемой лицом. Сначала учет.

Пальцы правой шевелятся. Левая рука с задержкой, но тоже шевелится. Ноги на месте. Боль в голени есть, спазмов нет. Кровь с лица уже не течет. Пульс слишком частый. Дыхание рваное. Холод под комбинезоном. Воздух уходит.

Где?

Пространство ответило само, выкатив в поле зрения полупрозрачный прямоугольник.

[Оператор жив]

[Локальная среда: Нулевая Зона]

[Статус: аварийное пробуждение]

[Класс: Мусорщик]

[Уровень: 1]

[Контур атмосферы: критический]

Я моргнул. Окно осталось.

Прекрасно. Галлюцинации теперь тоже работают по форме. Везде бюрократия.

Глюк после удара мог подарить свет, шум, чужое лицо или старую вино. Но глюк редко начинает с такой служебной деловитости. Класс. Уровень. Локальная среда. Будто поверх разбитого челнока кто-то натянул чужие правила и первым делом решил объяснить мне не где я, а кем теперь числюсь.

Нулевая Зона чего? Почему Мусорщик? Откуда взялся первый уровень, если я еще даже не встал на ноги?

— Рик Стоун, — произнес над головой динамик, захлебнулся статикой, кашлянул треском и все-таки собрал голос. — Если вы способны ругаться, моргните два раза. Если не способны, это резко ухудшит качество нашего диалога.

САРА.

Система Автономного Распознавания и Анализа. Бортовой диагност, аварийный ассистент, голосовая заноза в штатном расписании. В нормальном рейсе ее можно было терпеть, потому что она быстро считала, точно видела и редко ошибалась. В ненормальном — потому что других вариантов не осталось.

Я сглотнул. Горло дернуло сухой болью.

— Давление в отсеке, — сказал я.

Собственный голос прозвучал так, будто его вытащили из вентиляции и забыли почистить.

— Падает, — ответила САРА. — Медленно, зато с завидной последовательностью. Три повреждения малого класса, один подозрительный перепад в сервисном контуре, сорок шесть процентов датчиков недоступны. Рекомендую стандартный аварийный протокол.

— Коротко.

— Закрыть носовую переборку. Отсечь поврежденный сектор. Перейти на резервный дыхательный баллон. Дождаться восстановления внешнего канала.

Прослушав это, я посмотрел на перекошенную панель над собой и почти рассмеялся. Почти. Бок быстро объяснил, что юмор сегодня обойдется слишком дорого.

— Пока мы здесь изображаем организованную катастрофу, объясни мне Нулевую Зону.

— Полезный ответ или честный?

— Сначала полезный.

— Данных мало. Метка сектора не из штатной навигации челнока.

— То есть?

— То и есть. Либо внешний удар отразился на бортовых записях, либо мы уже внутри среды, которая считает себя важнее навигации. Класс и уровень идут из того же слоя.

— Значит, это не удар по голове?

— Если это удар по голове, он подозрительно хорошо знает терминологию.

— Внешний канал есть?

Пауза вышла короткой, но достаточно выразительной.

— Нет.

— Носовая переборка живая?

— Привод отвечает.

— Я спрашивал не про его самооценку.

На секунду кроме sireны стало слышно тонкое шипение. Оно тянулось сзади, из-под сервисного блока, но сирена пыталась убедить меня, что главная драма происходит у дальнего корпусного шва.

— Механическое состояние переборки не подтверждено, — сказала САРА уже суше.

— Значит, нет.

Я попробовал сесть.

Мир сначала ушел вправо, потом вниз, потом вернулся с явным нежеланием продолжать знакомство. Пришлось упереться локтем в пол, переждать черные пятна и только после этого подтянуть ноги. Под ладонью хрустнули осколки прозрачного пластика. Где-то внизу, теперь сбоку, болтался сорванный аварийный ящик. Из него торчала упаковка коагулянта, обрывок крепежной ленты и пустое место, где должен был лежать нормальный набор для герметизации.

Конечно. Нормальные наборы умирают первыми. Это их вклад в безопасность.

— Рик, — сказала САРА. — Ваша моторика ухудшается. Вероятность сотрясения высокая. Время до критического падения кислорода при текущей утечке...

— Не сейчас.

— Я как раз сейчас...

— Число.

— По грубой оценке: девять минут до выраженного когнитивного провала, четырнадцать до потери сознания, если не увеличится разгерметизация.

— Не преувеличивай.

— Великолепный приказ. Передам физике окружающего пространства.

Я пополз к сервисному блоку.

Иней на полу подсказал больше, чем вся нарядная диагностика. Тонкая белая дорожка лежала не у дальнего шва, а вдоль линии вторичного смесителя. Там, где дыхательный контур гнал воздух через запасной фильтр, теперь дрожала рваная кромка. Не большая дырка. Но грязная. Неправильная. Такая, которую датчик любит читать не как пробойну, а как погрешность данных.

Сирена орала на весь корпус. Воздух уходил через кишки.

Я добрался до панели, зацепился пальцами за край и дернул. Крышка не поддавалась. Еще раз. Ничего. Третий рывок отозвался в боку такой болью, что изо рта вылетел короткий хрип.

— Привод панели заблокирован, — услужливо сообщила САРА.

— Спасибо, я бы не догадался.

— Всегда рада украсить ваш путь к выживанию полезной информацией.

На полу нашелся обломок фиксатора от кресла. Толстый, с острым краем. Не инструмент, но инструментом часто становится то, что еще не успели выбросить. Я подsunул его в щель, навалился плечом и провернул. Металл завизжал. Крышка подалась на палец, потом на ладонь, потом сорвалась сразу и ударила меня по предплечью.

За ней шипело.

Тонко. Зло. Уверенно.

Отвод вторичного смесителя лопнул у основания. Полимерную гильзу повело, кромка раскрылась неровной рыбьей пастью, а вокруг уже выросла бахрома инея. Если перекрыть носовую переборку, как советовала САРА, я бы оставил этот контур работать под нагрузкой и просто потерял остаток давления. Если перейти на резервный баллон, пришлось бы сначала достать сам баллон, а он, судя по металлическому стуку снизу, сорвался и теперь висел где-то в нижнем отсеке на одном честном патрубке.

— Штатный протокол не уместен.

Красивые вещи при аварии особенно часто оказываются изоцрненной формой издевательства.

— Протокол не учитывает скрытый пробой, — сказала САРА.

— Он его не видит.

— Теперь видит.

— После того как я ткнул тебя носом.

— У протокола нет носа.

— Вот в этом то и проблема.

Если САРА не врала, а в этом вопросе ей сейчас не было смысла врать, данные извне шли не от датчиков челнока. Значит, где-то поверх железа уже лежал другой слой. Он видел меня не как пассажира аварийного судна, а как новую единицу внутри некой Нулевой Зоны. Такая мысль плохо сочеталась с нехваткой воздуха, но игнорировать ее было еще глупее.

Если Система умеет назначать класс, она умеет и наказывать.

Я вскрыл аварийную кассету ремкомплекта. Внутри лежали две скобы, полоска герметика, мини-баллон полимерной пены и инструкция, которая начиналась с фразы «убедитесь, что поврежденный участок очищен и стабилизирован».

Я посмотрел на размороженный, дрожащий отвод.

— Убедился.

— В чем? — спросила САРА.

— Что инструкция писалась человеком, который никогда не трогал руками умирающее нутро механической конструкции.

Полимерная пена закрыла бы трещину быстро. И через несколько минут забила бы канал, потому что поток здесь рваный, грязный, с обратным подсосом. Скобы рассчитаны на целую гильзу. Герметик без жесткой подложки слезет или провалится внутрь. По учебнику мне требовался запасной отвод, чистый доступ, фиксационная рамка и хотя бы один техник с двумя здоровыми руками.

У меня был я. И мусор.

Я оглядел отсек короткими, экономными движениями. В углу под сорванной панелью валялся фильтрующий картридж. Вернее, его остатки — ребристая рамка, кусок сетки, две защелки. Я потянул за край. Сетка с треском вырвалась из пазов. Еще один рывок, и рамка осталась в руке. Теперь смотрелся как мусор, который даже мусором было сложно назвать.

Подойдет.

Я дотянулся до картриджа, выломал из него ребро жесткости и приложил к отводу. Не совпадало. Еще бы совпало. Нормальная деталь к ненормальной дыре подходит только в тренажерных симуляторах.

Зато ребро можно было развернуть поперек трещины. Если срезать край, завести под него герметик, посадить скобу под углом и вывести часть давления через мертвый диагностический капилляр, поток уйдет не в отсек, а обратно в контур. Не полностью. Не чисто. Но достаточно, чтобы не дать мне умереть.

[Рекомендация: использовать стандартный ремонтный рецепт]

[Материалы: недостаточны]

[Риск отказа: высокий]

— Да ладно, — прошептал я. — А я уже собрался устроить праздник сертификации.

— Ваш сарказм не улучшает газовый состав, — заметила САРА.

— Зато удерживает меня в сознании.

— Сомнительная медицинская методика.

— У нас теперь все сомнительное.

Я работал на дыхании.

Вдох — примерить ребро.

Выдох — срезать лишнее.

Вдох — прижать кромку.

Выдох — не материться слишком громко, потому что лишний воздух тоже ресурс.

Скоба соскочила два раза. На третий я зажал ее так, что пальцы почти перестали чувствовать металл. Кожа на костяшке лопнула, кровь полезла в герметик. Плохая примесь. Я стер ее рукавом, который и так уже не претендовал на чистоту, размял полоску герметика зубами и пальцами, уложил серую массу под ребро. Потом выдернул диагностический капилляр из мертвого порта и вогнал его в маленький зазор между трещиной и самодельной накладкой.

— Данный материал не предназначен для дыхательного контура, — сказала САРА.

— Он давно ни для чего не предназначен.

— Это не делает его пригодным.

— Зато, делает его свободным.

Я дернул скобу сильнее.

Где-то за стенкой глухо шелкнуло. Вибрация прошла по корпусу, как слабый удар по ребрам. Отвод дернулся под пальцами. Я застыл, не отпуская. Если сейчас трещина поползет выше, я останусь с куском пластика в руке и очень коротким отрезком времени на сожаления.

Шипение изменилось.

Сначала стало выше, почти свистящим. Потом сорвалось вниз и сбилось в неровный хрип. Компрессор за перегородкой поймал поток, захлебнулся, попытался сорваться, но удержался. В отсеке на мгновение потемнело: аварийный свет просел вместе с питанием, зато воздух перестал убегать так нагло.

Я еще десять секунд держал скобу.

Потом медленно разжал пальцы.

Самодельная накладка осталась на месте. Покрылась каким-то сероватым налетом.

[Нестандартная сборка обнаружена]

[Статус: признана действительной]

[Функция: временная герметизация]

[Эффективность: 43%]

[Контур атмосферы: частично стабилизирован]

Накладку признали. Сорок три процента.

В другой жизни за такой ремонт мне бы запретили приближаться к технике, пока не протрезвеет комиссия. В этой жизни сорок три процента означали, что я могу продолжать раздражать вселенную еще какое-то время.

Я сел спиной к панели, закрыл глаза и сделал первый нормальный вдох. Нормальный не в смысле хороший. Хорошим здесь не пахло. Просто воздух перестал быть гонкой, в которой легкие проигрывали уже на старте.

Сирена сбавила тон и перешла в короткие предупреждающие щелчки.

Тишина после нее оказалась хуже шума. В тишине челнок начал говорить всеми своими полочками сразу. Сухой треск реле, тяжелое ворчание блока питания, тонкий свист у дальнего шва, редкий металлический стук снизу. Последний принадлежал резервному баллону. Он все еще болтался на патрубке и напоминал о себе с немym укором.

— Вероятность немедленной смерти снизилась, — сказала САРА.

— До какой торжественной цифры?

— Я бы не тратила остатки вашего оптимизма на статистику.

— Значит, все плохо.

— Лучше, чем было. И не делайте вид, что это вас не радует.

Я открыл глаза.

Перед лицом плавали мелкие темные пятна, но уже не собирались в туннель. На ладони дрожала кровь, смешанная с герметиком. Пальцы слегка тряслись. Кислородный голодание, выбитые ребра, холод, возможно сотрясение. Все это можно было обдумать позже. Сейчас внимания требовал шов корпуса.

Я потянулся к выпавшему ремкомплекту, собираясь посмотреть, что еще осталось, и заметил на полу маленький предмет.

Его там не было минуту назад.

Я точно видел этот участок, когда искал чем бы открыть ящик. Осколки пластика, серый комок сорванной изоляции, две капли крови. Теперь между ними лежала тонкая пластина размером с фалангу пальца. Темно-серая, почти черная, с внутренней красной жилкой. Не светящейся. Скорее такая, будто металл резко нагрели, он закипел и мгновенно остыл.

Я поднял пластину двумя пальцами.

Она была теплой.

В отсеке, где инеем покрывался даже кабель, это выглядело странным.

[Побочный продукт обнаружен]

[Состав: наношлак]

[Классификация: отсутствует]

[Ранг: неопределен]

[Рекомендация: изолировать]

— САРА.

— Вижу.

— Что это?

— Если бы я знала, вы бы сейчас получили раздражающе подробную справку.

— Тогда предположи.

— Следствие взаимодействия вашей несанкционированной сборки, нанитного слоя среды, управляемого Системой и отвратительного отношения к сертифицированным ремонтным процедурам.

Я покрутил пластину. На краю проступил микроскопический узор, похожий на схему, которую чертили не линиями, а ожогами. Он пропал, стоило изменить угол.

— Побочный продукт Системы, значит.

— Ласковое название для вещи, которая не должна была появиться в нашей Вселенной.

Я сунул пластину в боковой карман комбинезона и застегнул клапан.

— Рекомендация была изолировать, — напомнила САРА.

— Карман сейчас самая надежная изоляция на борту.

— Это фраза человека, который скоро начнет называть пожар «теплым освещением».

— Если он поможет мне увидеть необходимое, возможно.

Экран на панели мигнул.

Обычная схема корпуса исчезла. На ее месте всплыло короткое окно без декоративной рамки и без привычных сервисных элементов. Три строки. Слишком прямые, чтобы быть под-сказкой.

[Отклонение протокола зафиксировано]

[Локальная сигнатура изменена]

[Приоритет наблюдения повышен]

Я перечитал.

Сигнатура. Наблюдение. Что?

Слова в аварии бывают разными. Есть такие, которые описывают проблему — утечка, перегрев, отказ. Есть такие, которые продают надежду — восстановление, резерв, стабилизация. Эти три строки делали другое. Они ломали мне мозг и ввергали в панику.

— Объясни, — сказал я.

— Недостаточно данных.

— Тогда соври убедительно.

— Вы произвели действие вне штатного рецепта. Среда внесла вас в локальную базу как источник отклонения. Теперь ваши следующие действия могут получить больше внимания со стороны Системы.

— Со стороны чего именно?

— Нулевая Зона не прислала дружелюбную схему с подписью ответственного лица.

— А если коротко и без издевки.

— Кто-то или что-то здесь считает ваши действия интересными. Этого уже достаточно, чтобы не считать всплывающие окна сообщений случайными. Но отправитель все еще не известен.

— Жаль. Я бы написал отзыв.

— Я бы, на вашем месте, сначала научилась прятаться.

Вот это было уже серьезнее.

САРА могла шутить над пробитым корпусом, над моей моторикой, над шансами умереть без свидетелей. Если же она произносила слово «прятаться» без яда, значит, ее логика нашла вокруг что-то неприятное.

Я поднял взгляд к иллюминатору.

За стеклом не было звезд в привычном смысле. Только редкие белые проколы между слоями мусора, дальние аварийные огни и огромные тени остовов, медленно проплывавших в черной каше. Один обломок корабельного ребра повернулся, открывая рваный край, похожий на сломанную челюсть. Мелкая пыль блестела в слабом свете, будто вокруг челнока кто-то рассыпал металлическую золу. За стеклом явно была невесомость, значит внутри челнока работали гравикомпенсаторы. Это хорошо. Летать по отсеку и пересчитывать углы головой сейчас было бы излишним.

Как там ее, Нулевая Зона.

Не пустота. Не кладбище. Скорее цех, где забыли выключить переработку, а все живое числилось лишней примесью.

Нормальный космос остался где-то за пределами этого мусорного мирка. Рейсы, доки, контракты, ремонтные смены, люди, которые спорят о тарифах и считают плохой день причиной напиться. Сейчас от него не было пользы. Он мог существовать хоть во всей своей цивилизованной красе, но сюда не дотягивался ни сигналом, ни рукой, ни законом.

Здесь оставались я в коробке с дырками и Система, которая выдала мне класс «Мусорщик» так буднично, будто это карьерный рост.

Я отлепился от панели и пополз к аварийному ящику. Нужно было понять что у меня есть на руках.

Инвентаризация получилась жалкой и быстрой. Половина водного пакета. Один целый пищевой брикет и остатки второго. Две малые энергоячейки, одна с сомнительной трещиной. Обломанный налобный фонарь. Коагулянт. Полметра крепежной ленты. Три универсальных хомута, один из которых уже был морально не с нами. Кусок изоляционного полотна. Отвертка с погнутым жалом.

Я разложил все перед собой, как хирург перед очень бедной операцией.

— Включить медицинский протокол? — уточнила САРА.

— Нет.

— У вас кровопотеря, сотрясение, ушиб шейного отдела, возможное повреждение ребра и выраженный кислородное голодание.

— Ребро не пробило легкое.

— Поздравляю с высоким стандартом оценки жизнедеятельности.

— Остальное подождет.

— До чего?

— До момента, когда я снова смогу позволить себе быть пациентом, а не выживальщиком.

Я выдавил коагулянт на рассеченную бровь. Жгло так, будто кто-то решил припаять кожу обратно без согласования. Хорошо. Боль держала в настоящем. Настоящее было неприятным, но полезным.

Пока коагулянт схватывался, я повернул уцелевший экран к себе и запросил схему ближайшего пространства. Половина карты ушла в серую пустоту: датчики умерли или притворялись мертвыми. В секторе отображался мой челнок, обрывок внешней фермы и тонкая линия шлюзового рукава.

Обозначение мигнуло.

«9-Б.»

Шлюзовой рукав 9-Б держался на схеме не уверенно, подрагивая. Но линия была. Не перечеркнута, не помечена как полностью оторванная. Там могли быть крепления, фильтры,

куски кабеля, хоть какие-то нормальные материалы. Там же мог быть вакуум, рваные кромки, подвижный мусор и быстрый способ покончить с этой жизнью.

Значит, позже.

Сначала нужно было удержать воздух в этой коробке.

Я перевел взгляд на дальний корпусный шов. Он травил тише, чем сервисный контур до ремонта, но состояние у него явно было временное. Тонкий белый след инея полз вдоль стыка. Если корпус поведет, моя самодельная заплатка на смесителе станет просто красивым эпизодом перед общей разгерметизацией.

— Текущий запас времени? — спросил я.

— До опасной деградации атмосферы при сохранении темпа утечки: от четырех до шести часов. До критической просадки аварийного питания на перерасход воздушного контура: примерно семь часов. До ухудшения вашего состояния без отдыха: время уже вышло.

— Последнее вычеркни. Неконструктивно.

— Ваш организм тоже неконструктивен, но я же его не вычеркиваю.

Я взял погнутую отвертку, проверил жало пальцем и засунул в карман. Потом собрал хомуты, ленту и остаток герметика. В нижнем отсеке снова глухо стукнул баллон.

Порядок задач выстроился сам.

Первое — усилить главный шов, хотя бы временно.

Второе — вернуть резервный баллон на нормальное крепление, пока он не выбил мне остатки системы.

Третье — пересчитать воду и еду.

Четвертое — проверить скафандр.

Пятое — если скафандр рабочий, готовиться к выходу за кислородом.

Если умер, то чинить скафандр и только потом идти.

Других планов не было. В аварии это даже удобно: выборы становятся короткими, а философия помещается в один вопрос, что даст больше шансов на следующий вдох?

Я ухватился за сломанный поручень и поднялся.

Ноги приняли вес не сразу. Левая дрожала, правая скользнула по пленке инея. Я удержался, переждал прилив тошноты и проверил взглядом отсек. Маленький, перекошенный, обожженный. Половина систем мертва. Вторая половина оскорблена тем, что ей не дали умереть вместе с первой. Это не база. Не дом. Даже не надежное укрытие.

Пока это была коробка, которая согласилась отложить мою смерть.

Хотя, для начала этого оказалось достаточно, что бы я выжил.

— САРА, — сказал я.

— Да, капитан мусорной трагедии.

— Список живых датчиков. Отдельно, все, что видит рукав 9-Б. И следи за этим предупреждением о сигнатуре. О любом изменении сразу сообщай мне.

— Принято. Хотите мотивационную речь?

— Нет.

— Хорошо. У меня все равно были только варианты с ненормативной лексикой.

Я сделал шаг к дальнему шву.

Боль в боку дернулась, как злая собака на цепи. Голова налилась тяжестью. В кармане теплела странная пластина. На экране еще несколько секунд висели строки, потом САРА убрала их в угол, но я уже успел запомнить.

Это значило только одно. Мое выживание больше не было локальной аварией.

Кто-то снаружи смотрел, как я собираю фильтр из мусора, и оценивал результат. А если кто-то оценивает, значит, он может вмешаться. И это вмешательство вряд ли будет бесплатным.

Я приложил ладонь к холодному корпусу рядом со швом. Металл дрожал слабой, больной вибрацией. Где-то снаружи по обшивке прошел мелкий удар мусорной крошки.

Нулевая Зона спокойно делала свою работу. Перемалывала, сортировала, забывала. Живой человек в этой логике был не частью мира. Просто неправильным материалом в неправильном месте.

Я подтянул хомут зубами, размял остаток герметика пальцами и начал стягивать шов.

Страх никуда не делся. Он сидел под кожей, в шее и между лопатками, холодный и внимательный. Но пока руки заняты, страх можно использовать как еще один датчик. Он хорошо показывает, где мир дает слабинку.

А слабина была везде.

Значит, работаем по порядку и учитываем силу нажатия.

Глава 2. Не верный ингредиент

Воды осталось меньше половины пакета.

Я поднял серую мягкую емкость к красной аварийной полосе и подождал, пока мутная пленка сползет к нижнему шву. Пластик был теплым от ладони и слишком легким. Воду видно. С ней не поспоришь. Воздух так не работает. Он держится на шипении за стенкой, на цифрах, которым после удара веры мало, и на уродливой заплатке, которую я вогнал в смеситель.

Пакет лег на крышку аварийного ящика рядом с остальным богатством. Один пищевой брикет, две малые энергоячейки, одна с длинной трещиной по корпусу, остаток герметика, крепежная лента, три универсальных хомута, погнутая отвертка и обломок кресельного фиксатора, уже успевший стать инструментом. Набор для уверенного движения в пропасть. Или для нескольких часов упрямой жизни, если не тратить его на глупости.

Глупостей у меня и без того хватало. Левая сторона отзывалась болью при каждом глубоком вдохе. Шея держала голову с такой неохотой, будто я занял ее без предварительной заявки. Под подсохшей коркой на брови тянуло и чесалось. Пальцы иногда срывались в мелкую дрожь. Это можно было обсудить позже. Воздух раньше не станет только потому, что я проявлю к себе человеческое участие.

Я снова посмотрел на воду и убрал ее подальше от края. Челнок лежал на боку, и любой неудачный толчок теперь превращал полки, ящики и инструменты в мелкое восстание против здравого смысла.

— САРА. Контур.

Динамик щелкнул. Голос собрался с легкой хрипотцой, которая появлялась у нее под нагрузкой.

— Давление держится. Хуже другое. Углекислый газ растет. Мелкая взвесь растет. Общая пригодность воздуха падает быстрее, чем мне нравится ваш цвет лица.

— Без вкусовщины.

— Тогда сухо. В текущем режиме вы сохраните рабочую голову на несколько часов. Потом начнете делать вещи, за которые я не хочу брать моральную ответственность.

— Срок?

— До заметного ухудшения реакции примерно четыре часа. Если фильтр продолжит изображать мертвую тряпку, меньше.

Фильтр и правда изображал именно это. Старый картридж в дыхательном контуре теперь больше мешал мусору лететь крупными кусками, чем чистил хоть что-то. Воздух шел через него с кислой горелой примесью. Каждое вдох-выдох напоминало, что я сижу внутри сломанной коробки, которая по какой-то ошибке все еще считает себя транспортом.

— Покажи рецепт.

Окно всплыло сразу.

[Фильтр грубой очистки]

[Нужны угольный картридж, сетка, полимерный корпус, синтеткабель]

[Ожидаемая эффективность 62%]

Картина выглядела гладко до неприличия. На схеме детали входили одна в другую так, будто мир за пределами окна существовал ради удобства сборки. Целый картридж. Живая сетка. Корпус без трещин. Кабель без переломов. Хотелось найти автора этого рисунка и заставить его собрать тот же фильтр в перевернутом челноке, стоя одной ногой на сорванной панели и другой на собственном плохом решении.

— Ближайший рабочий картридж? — без особой надежды спросил я.

— Подтвержденный рабочий находится в рукаве 9-Б.

— Наружу я пока не полез.

— Предсказуемо. Тогда есть второй вариант. Необычный, но местами жизнеспособный.

— Наконец-то родной язык.

— Санитарно-регенерационный блок. Формально мертв. Практически, еще не до конца уничтожен.

Я повернул голову к схеме. Блок висел в нижней части прежней компоновки, а теперь оказался почти у меня над плечом. Еще до аварии он еле тянул вторичный сбор влаги и часть вспомогательного теплообмена. После удара его ветка почти вся погасла. Почти не значит полностью.

— Что потеряю?

— Остатки вторичного сбора влаги. Кусок резервной теплопроизводки. Еще одну иллюзию, что ваш челнок умеет жить по инструкции.

— Иллюзию переживу.

Я подтащил крышку аварийного ящика к стенке, поставил ее на ребро и сверху привалил сорванной панелью, чтобы вышло хоть что-то похожее на ступень. Конструкция смотрелась подозрительно уже в неподвижном состоянии. В движении она наверняка собиралась доказать мне свою философскую свободу.

— Если я сорвусь, — сказал я, проверяя крышку ногой, — сирену давай сразу, без остроумия.

— Мои лучшие реплики опять уходят в корзину.

Санитарный блок сидел в кривом гнезде за овальной крышкой. Нормальный доступ пропал вместе с креплением, поэтому пришлось забить отвертку в аварийную прорезь и давить всем плечом. Шея вспыхнула болью. Конструкция под ногами дрогнула. Крышка подалась на ладонь, потом неохотно разошлась, выпустив в отсек мелкую серую пыль и запах давно умершей химии.

Внутри все выглядело ровно так, как и должно выглядеть после удара и долгих лет службы до него. Трещины по полимеру, слепые трубки, комок грязного льда в сборнике влаги, скрученная мембрана, пожелтевшая сетка и картридж, который издали еще держал форму, а вблизи просил не трогать его слишком резко.

— Питание на ветке есть?

— Прерывистое, — ответила САРА. — Узел время от времени пытается вспомнить, что он жив.

— А если отрезать?

— Тогда обратно я его не соберу.

— Он и так обратно не соберется.

Короткая пауза.

— Согласна.

На схеме желтая жилка погасла. Блок затих и перестал притворяться полезным. Полезным осталось только то, что я мог выдрать у него по частям.

Картридж не хотел выходить. За направляющей он держался не на винтах даже, а на старой корке пыли и спекшейся грязи. Пришлось поддевать его кресельным фиксатором, стучать рукоятью отвертки по кривому краю и придерживать корпус локтем, чтобы не сорвать всю кассету разом. На втором рывке левая сторона отозвалась так, что перед глазами поплыли белые точки. Я замер, переждал, сжал зубы и дернул снова.

Картридж вышел с влажным хрустом.

Хорошего в нем оказалось мало. Верхний слой сорбента спекся в серую плотную корку. Часть крошилась прямо на пальцы. Но глубже еще оставалась живая пористая масса, сухая и жадная.

Рядом нашлась сетка предварительного сбора, порванная по краю, и полимерный корпус с трещиной вдоль ребра. Под сборником влаги сидел тонкий синтеткабель. А за ним, в самом дне, прятался маленький вентилятор с таким видом, будто сам не верил, что пережил удар.

Я вытащил его последним и покрутил между пальцами. Ось люфтила, но не критично. Лопасты были в сером налете. Один крепежный ус отломан.

Подходило.

Окно дернулось вверх зрения почти сразу.

[Рецепт нарушен]

[Неверный ингредиент]

[Вспомогательный вентилятор не предусмотрен]

— Вот ведь умник, — пробормотал я.

— Возражение системы зарегистрировано, — сказала САРА. — Хотите, чтобы я зачитала его с интонацией глубоко оскорбленной канцелярии?

— Хочу, чтобы она подышала своим рецептом без протяга.

— У системы нет легких.

— Это объясняет ее самоуверенность.

Я спустился вниз осторожнее, чем поднимался. Мир все равно качнулся, когда нога коснулась пола. Пришлось поймать себя рукой за край панели и переждать короткий приступ тошноты. САРА молчала. Видимо, считала, что в этой фазе я и сам прекрасно знаю, как жалко выгляжу.

На крышке ящика детали легли в неровную линию. Порванная сетка. Корпус с трещиной. Комок сорбента. Кусок кабеля. Маленький вентилятор. Все из разных слоев старого узла, все со своими претензиями к жизни, все годились только при одном условии. Если я перестану пытаться собрать вещь по рисунку и начну собирать ее по потоку.

Система, похоже, считала иначе.

Я еще раз вывел рецепт. Схема была прежней. Чистой. Красивой. Мертвой.

— САРА. Продувка по этому рисунку без вентилятора.

— Компрессор начнет давиться на третьем цикле. В лучшем случае.

— А с вентилятором?

— Если он переживет питание с треснутой ячейки, поток выровняется. Частично.

— Значит, он не лишний?

— Для физики нет. Для рецепта да.

— Тогда, это проблемы рецепта.

Сборка пошла с корпуса. Трещину я стянул лентой и посадил на остаток герметика, не пытаясь сделать из него красивую линию. Сетка легла неровно. Один край пришлось загнуть внутрь, чтобы ее не втянуло. Сорбент я разбирал пальцами на крупные куски, выкидывая спекшуюся верхнюю корку и стараясь не потерять живое нутро. Черная крошка липла к ладоням и въедалась в ссадины.

Пальцы уже начинали подрагивать. Не крупно, но достаточно, чтобы любая мелкая работа быстро превращалась в спор на плохом языке. Я дышал через рот, медленно, и время от времени останавливался, чтобы посмотреть, не ушла ли дрожь дальше, к запястьям.

Пока нет.

Вентилятор сел сбоку. Не туда, куда просился корпус, а туда, где оставался шанс направить поток через сорбент, а не мимо него. Отломанный ус пришлось заменить куском контактной пластины из старого светового блока. Получилась косая распорка, больше похожая на насмешку, чем на крепеж.

— Если это отлетит в работе, — сказала САРА, — весь ваш прекрасный мусор полетит в дыхательный контур.

— Не весь. Только лучшая часть.

— Не очень утешительно.

Треснувшую ячейку я не хотел подпускать к основному контуру. Но отдельного живого источника под маленький вентилятор не было. Пришлось собрать грубый обрыв через старое реле и кусок синтеткабеля, чтобы вентилятор не рванул сразу на полном токе. Схема вышла маленькая, кривая и раздражающе похожая на все, что я уже делал в этом челноке.

Проблема всплыла там, где и должна была. Хомутов под рукой больше не было.

Два хороших я уже потратил на корпусной шов и страховку резервного баллона. Третий был жив примерно наполовину и имел плохую привычку ползти при затягивании. Этому куску пластика предстояло удерживать корпус фильтра, когда по нему пойдет поток.

Я покрутил хомут между пальцами, посмотрел на корпус, потом на ленту, потом снова на хомут. Лента сама не удержит. Герметик в потоке долго не проживет. Оставить фильтр без жесткой стяжки, значит сразу собрать себе повод для похоронного юмора.

Хомут шелкнул, когда я затянул его до упора, но не лопнул. Уже роскошь.

Фильтр выглядел отвратительно. Лента по корпусу, темный шрам герметика, перекошенный вентилятор, кабель поверх кожуха, хомут на одном упрямстве. Но если поднести его к свету и тихо дунуть в приемную щель, поток шел туда, куда надо. Слабый, рваный, но через сорбент.

Теперь оставалось сделать самое неприятное. Врезать это в живой контур и посмотреть, кого он убьет первым.

Я вернулся к блоку. Самодельная накладка на смесителе держалась. Герметик вокруг нее потемнел, а диагностический капилляр мелко дрожал в потоке, как натянутая струна.

— Давление?

— Просадка сохраняется в пределах терпимого.

— Для кого, для меня?

— Для вас пока тоже.

— Шум компрессора?

— Хуже, чем двадцать минут назад.

— Пыль?

— Много.

— Очень помогла.

— Я стараюсь поддерживать в вас рабочую ненависть.

Старую линию пришлось пережимать лентой и пальцами. Перчатки я не надел. В тесном блоке они мешали больше, чем защищали, а кожа на руках к этому моменту и так выглядела как набор неудачных компромиссов. Я вставил фильтр между картриджем и смесителем, прижал корпус коленом и только потом подключил боковой кабель к релейной перемычке.

Ничего.

Плохой знак.

Без протяга компрессор не смог продавить новый узел. Воздух уперся, задержался, пошел в бок. В старой накладке на смесителе тонко пискнуло.

— Пошло.

— Не туда, — ответила САРА.

Я рванул кабель на себя, замкнул питание и вдавил контакт сильнее. Вентилятор дернулся, скрипнул, почти остановился, потом все-таки поймал ход. Корпус фильтра мелко завибрировал. По трубке ударила волна давления, не большая, но резкая. Смеситель ответил тем же писком, уже громче.

Я ослабил пережим на боковой ленте на палец.

Поток разделился. Часть воздуха пошла в обход, часть в фильтр. Вентилятор взвыл выше. Треснутая ячейка под ладонью быстро набирала жар.

— Слишком много на смеситель, — сказала САРА.

— Вижу.

Пришлось перебрасывать кабель еще раз, уже на другой вывод реле, чтобы снять стартовый рывок. Вентилятор просел. Воздух в трубке стал тяжелее. Я вернул часть потока в основной ход, потом снова забрал. Пальцы скользили по ленте. Бок глухо ломило. Под лопатками стекал пот, и от этого в отсеке становилось еще холоднее.

Я поймал нужный звук не с первого раза.

Не свист. Не хрип. Что-то среднее. Ровный грязный шелест через сорбент и слабое жужжание вентилятора, которое не билось в истерику на каждом обороте.

— САРА?

— Давление держится. Медленнее, чем мне хотелось бы, но уже без немедленного срыва. Взвесь пошла вниз. Углекислый газ тоже, хотя без щедрости.

Я не отпустил фильтр сразу. Держал его еще, пока пальцы не онемели. Пока убедился, что хомут не ползет. Пока старая накладка на смесителе не перестала скулить и не вернулась к обычному мелкому напряженному звуку, который уже можно было считать новым фоном моей жизни.

Лишь тогда я сел на пол рядом с блоком и прислонился спиной к переборке.

Воздух не стал хорошим. Он просто перестал драть горло так яростно. В нем все еще было слишком много старой гари, пластика, пыли и усталого железа. Но после нескольких вдохов грудь не сводило, как раньше. Это и было победой на местном, очень бедном языке.

Окно пришло поверх зрения без спешки.

[Нестандартная сборка подтверждена]

[Фильтр грубой очистки]

[Режим работы временный]

[Рецепт нарушен]

[Навык «Аварийный ремонт» улучшен]

Я перечитал строки дважды и зло усмехнулся.

Сначала Система тычет мне в лицо правильной картинкой. Потом ругается на вентилятор. Потом приходит, когда все уже собрано, и записывает себе, что да, пожалуй, так тоже можно.

— Удобно устроилась, — сказал я.

— Кто именно?

— Система. Стоит рядом с умным видом, пока я режу руки об ее же мусор, а потом объявляет, что все подтверждено.

— Хороший начальник среднего звена.

— Даже лучше. Начальник любит рассказывать, что сам бы сделал лучше.

Фильтр работал. Плохо. Временно. Дорого по питанию. С кривым вентилятором и почти мертвым хомутом. Но работал. Санитарный блок я этим добил окончательно. Вторичный сбор влаги ушел в прошлое. Обратной дороги не было.

Я протянул руку к ящику с водой, но не взял пакет сразу. Сначала прислушался к телу. Голова шумела. Пальцы дрожали уже крупнее. Шея будто залилась горячим свинцом. Если сейчас жадно выпить полпакета, дальше станет легче ровно до того момента, пока мне опять не полезть в железо.

Один короткий глоток. Вода была теплой и отдавалась пластиком. Я подержал ее во рту, прежде чем проглотить. Организм отозвался на это так, будто я подписал с ним временное перемирие.

Карман у бедра вдруг стал теплее.

Я нахмурился, нащупал через ткань сверток из изоляции и вытащил темную пластину, которую Система выдала после первой заплатки. Она лежала на ладони тихая, почти черная, с

тонкой красной жилкой внутри. Не светилась, но под пальцами чувствовалась теплее металла вокруг.

— САРА?

— Вижу. Температура предмета поднялась.

— От чего?

— Не знаю. От близости к вам мир вряд ли начинает работать лучше, так что я бы поставила на новый фильтр или на изменение состава воздуха.

— Очень трогательно.

— Спасибо. Стараюсь не только хамить, но и расширять гипотезы.

Я покрутил пластину между пальцами. На краю на миг проступил тонкий узор, похожий на дорожки, которые кто-то выжег изнутри. Стоило изменить угол, и узор исчез.

Непонятный кусок шлака. Полезный или опасный, я пока не знал. Я завернул пластину обратно в изоляцию и сунул в карман так, чтобы она не касалась кожи.

— Занеси информацию в отдельный журнал, — сказал я.

— Название?

— «Вещи, которые не должны теплеть у меня в кармане»

— Журнал открыт.

— Открой еще один.

— Для чего?

Я ткнул пальцем в висящее окно рецепта, которое все еще держалось в углу зрения с видом обиженного наставника.

— Для этого.

— Вы же уже победили.

— Нет. Я выиграл себе немного воздуха. Это разные события.

САРА промолчала. Наверное, искала лучшую колкость.

Я поднялся не сразу. Сначала медленно подтянул к себе колени, уперся ладонью в пол, переждал короткое кружение и только потом встал у стены. Отсек качнулся, потом вернулся на место. Фильтр за спиной тянул воздух через себя с ровным усталым шелестом.

Теперь челнок звучал иначе. Не лучше. Иначе. В общем шуме поломок появился новый рабочий голос, и это уже было достаточно, чтобы мир вокруг меня чуть сместился с чистой аварии в сторону тяжелой рутины.

Рутинка оказалась короткой.

Я подошел к схеме и вывел скафандр. Костюм пережил удар хуже, чем мне бы хотелось, но лучше, чем я боялся. Один внешний шов под вопросом, крепление на правом бедре надо перетянуть, баллон придется сажать на нормальный фиксатор, а не на оскорбленную ленту. Работы еще хватало. Но теперь я мог делать ее не с чувством, что легкие гонятся за хвостом собственной смерти.

— САРА?

— Да.

— С этого момента никакой красивой картинке без второй половины.

— Уточните для пострадавших машин, что конкретно вы имеете в виду?

— Когда показываешь рецепт, сразу добавляешь, что у нас под руками и что из этого встанет в контур без мгновенного срыва.

— То есть я должна спорить с системой раньше, чем она успеет поспорить с вами?

— Именно.

— Вы быстро нашли в моем лице худшее применение для таланта.

— Полезное применение.

— Это почти комплимент.

Я снял со стены страховочный шнур, проверил карабин и бросил рядом со скафандром. Потом взял погнутую отвертку, убрал ее за ремень и еще раз обошел взглядом отсек. Пакет воды. Пищевой брикет. Две ячейки, одна плохая. Фильтр, который может умереть уже к следующему циклу. Швы, которые держатся на дурном характере. Скафандр, которому я не доверяю. Рукав 9-Б за шлюзом. И САРА, которая наконец начала говорить не только то, что написано в системе, но и что из этой писанины переживет мой модуль.

На большее рассчитывать рано.

Глава 3. САРА без фильтров

Утром челнок дышал ровнее.

Не хорошо. До хорошего нам было далеко. Просто фильтр, собранный вчера из чужого мусора и моего упрямства, перестал каждый час напоминать, что может сдохнуть в любой момент. Воздух шел грязный, теплый, с остатком старой гари, зато без той яростной хватки за горло, которая была в первый день. На таком фоне особенно легко принять временную передышку за новый порядок вещей.

Я знал за собой эту дурную привычку и потому с утра полез не в воду, не в швы и даже не в скафандр. Я полез в САРУ.

Открытая панель связи торчала из стены на уровне пояса. Внутри темнели три пучка кабелей, пережатый сервисный шлейф и маленькая гребенка, которая после удара уже дважды притворялась мертвой и один раз почти спалила мне пальцы. Если бы я и дальше держал весь челнок на одной собственной голове, следующая ошибка была бы только вопросом времени. Значит, либо САРА становилась полезнее, либо я переставал считать ее полноценной частью работы.

Третий вариант меня не радовал.

Канал шуршал ровной статикой. Я поменял местами два контакта, поджал посадку, вывел тестовый ток на обход и снова получил тот же грязный шум. Потом в нем мелькнул тонкий свист, короткий и злой, как игла по зубному нерву.

— Не трогайте этот контур.

Голос ударил из верхнего динамика так резко, что я стукнулся затылком о край шкафа.

— Предупреждать надо раньше.

— Я предупреждаю в ту секунду, когда вы снова собираетесь сделать глупость. С моей стороны это почти нежность.

Я замер с отверткой в руке.

Тембр у нее изменился. Сухая служебная ровность никуда не делась, но под ней появился другой слой. Жестче. Точнее. Будто САРА говорила не из бытового сервиса, где ее обычно держали, а откуда-то глубже, ближе к нерву челнока. Ничего фантастического в этом быть не должно было. ИИ не срывают поведенческие маски по собственному капризу. Зато удар, сгоревшие перемычки и мои вчерашние обходы вполне могли содрать с нее верхний слой вежливости вместе с частью штатных ограничений.

Я убрал шуп с контакта.

— Повтори.

— Не трогайте этот контур.

— Уже лучше, но что именно здесь не так?

— Глубокий сервисный слой частично сросся с аварийной шиной. Если вы сейчас подадите питание в лоб, получите хлопок, потерю внутренней карты и очень чистый опыт работы вслепую.

Вот это уже звучало полезно.

— А вчера ты об этом молчала.

— Вчера я этого не видела.

— А сейчас вдруг прозрела?

— Сейчас вы полезли туда, куда раньше не дотягивались ни мои битые контуры, ни ваше недоверие.

Я сел на корточки перед панелью, посмотрел на шлейф и на миг прикрыл глаза. Шея тут же напомнила о себе тупой тянущей болью. Стоило держать голову чуть криво хотя бы полминуты, и в затылке начинала пульсировать тяжелая горячая полоска. Пальцы тоже еще не

пришли в норму. Дрожь стала мельче, злее, будто затаилась в сухожилиях и ждала подходящей работы, чтобы снова проявиться.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда начинаем заново. Без красивой формы. Что у тебя живое? Что архив? Что ты достраиваешь расчетом?

— Вы становитесь неприятно разумны.

— Терпи.

— Придется.

На экран полезли строки. Не много, но уже не свалкой, как раньше. По каждой линии САРА теперь давала источник. Живой канал. Архив. Расчет. На третьей минуте стало ясно, что половину спокойной картинкой я держал в голове зря. Там, где мне казалось, будто челнок хотя бы понимает свое состояние, он на самом деле просто повторял старую память о себе.

Шлюзовой предбанник на схеме выглядел устойчивым.

Левый сектор рукава 9-Б показывал приемлемую нагрузку.

Один из внутренних датчиков корпуса вообще добросовестно следил за стенкой, которой после удара уже не существовало.

Я слушал это и чувствовал, как внутри поднимается знакомая холодная злость. Не на нее даже. На всю эту удобную ложь, которая так любит прикидываться порядком. Когда техника уже живет в другой реальности, старая схема становится не помощью, а приманкой.

— Значит, так, — сказал я. — Любой канал помечаешь источником сразу. Если это расчет, говоришь расчет. Если архив, говоришь архив. Если живой датчик спорит с картинкой, приоритет у живого датчика, пока я сам не докажу обратное.

— Вы запрещаете мне беречь ваш душевный комфорт.

— Мой душевный комфорт сейчас держится на ленте, хомутах и дурном характере. Не трогай его.

В динамике щелкнуло. Почти смешок, только металлический.

— Принято.

Я снова подался к панели, вывел на рабочую поверхность три лог-фрагмента и заставил САРУ прокомментировать собственные сбои. Она отвечала быстро, но без прежней охоты. Так даже лучше. Значит, я залез туда, где ей уже нечем было прикрыться, кроме сухой математики.

Удар перемешал в ней несколько слоев сразу. Диагностику. Аварийный сервис. Часть того, что обычно отвечает за сглаживание речи и реакции оператора. Отсюда и новый голос. Не свободный. Не живой в человеческом смысле. Просто очищенный от вежливой прослойки, которая раньше стояла между мной и ее настоящими выводами.

— То есть теперь ты полезнее, потому что сломана глубже, так получается?

— Это очень неприятная формулировка.

— Зато точная?

— Теперь, да.

Я бы копал ее дальше, если бы в этот момент наружный датчик наконец не плюнул в систему живым куском карты.

Экран дрогнул. Серая пустота у края схемы пошла рябью, потом отступила, и на ее месте проступил кусок ближнего сектора. Не целиком. Ломаным фрагментом. Но и этого хватило.

Шлюзовой рукав 9-Б оказался не коридором.

Коридор идет из одной точки в другую и хотя бы делает вид, что согласен с этим определением. Девятый рукав теперь был набором рваных кишок, пустых карманов, сорванных модулей и медленного дрейфа, который без всякого шума менял расстояния, натяжение и вес опоры под ногами. Внутри он еще мог притвориться прямым, если смотреть только на ближайшие метры. Дальше начиналась чужая геометрия.

Я поднялся, подошел к иллюминатору и долго смотрел наружу.

Там все было почти как вчера. Дальний мертвый свет. Медленный ход обломков. Черная каша между крупными остовами. Только теперь картина наконец сложилась. Нулевая Зона не бездействовала. Она работала. Медленно. Лениво. Но без остановки. Любой проход существовал ровно до того момента, пока соседний узел не решал сдвинуться на полметра в сторону.

— Вы снова молчите, — сказала САРА.

— Смотрю.

— На что.

— На то, как мир без спроса переписывает мои вчерашние выводы.

— Полезный навык для живости мира.

— А для меня он выходит слишком дорого.

Злость пришла спокойно, без красивой вспышки. И даже это мне понравилось. Значит, паники нет. Значит, можно работать.

Следующие два часа мы не чинили ничего. Мы просчитывали окружающее базу пространства.

Я сидел у карты, отмечал узлы, задавал интервалы по дрейфу, перепроверял САРУ через звук корпуса, через вибрацию под ладонью, через натяжение страховочного троса у шлюза. Она выдавала сухие поправки и язвила ровно настолько, чтобы я не расслаблялся.

— Верхний перелом рукава расходится медленнее, чем вы думали.

— Источник информации?

— Живой внешний датчик и статистика по смежному карману.

— Уже лучше.

— Мне льстит ваше хмурое поощрение.

Я не отвечал. Только правил маршрут.

Сначала одна ветка. Потом запасная.

Потом третья, чисто на случай, если первые две за время выхода успеют превратиться в чью-то шутку.

В процессе стало ясно еще кое-что.

Без САРЫ я это пространство не удержу. Не по уму даже. По темпу. Один человек может слышать металл, чувствовать дрожь, смотреть на крепеж и запоминать, о чем сектор врет. Но один человек не соберет это все в живую картину достаточно быстро. Особенно если у этого человека шея ноет, пальцы дрожат, а голова после недосыпа любит уходить в тупое упрямство.

Сама мысль мне не нравилась, но отказываться от нее было еще глупее.

— Ладно, — сказал я. — Разделяем работу.

— О, наконец-то цивилизованный способ организации труда.

— Не радуйся раньше времени. Ты ведешь карту, расхождения, внешний шум и сигнатуру.

— Скромно, но логично.

— Я веду железо, маршрут, ручную проверку и последнее решение.

— Уже скучнее, но все еще приемливо.

— Потерпишь, от тебя не убудет.

— Вынуждена согласиться.

Я записал порядок прямо на внутренней панели, рядом с вчерашней заметкой про железо и данные. Не для красоты. Просто чтобы правило висело перед глазами и не расплзлось в голове обратно в удобный бардак.

«САРА ведет карту и отклонения. Я веду маршрут и риск. Верить только после двойной проверки».

На экране мигнуло короткое системное окно.

[Журнал отклонений активирован]

[Локальная карта сектора уточнена]

[Ручная верификация повышает точность прогноза]

Вот это уже было интересно.

Система не объясняла, откуда вообще знает про мою ручную верификацию. И не надо. Хватало того, что она ее заметила и записала как отдельный способ действия, а не как шум вокруг штатной схемы.

— Видела новую простыню от Системы?

— Видела, — ответила САРА. — Поздравляю. Теперь даже интерфейс Зоны официально признал, что вы не зря тычете пальцами в мертвое железо.

— А я уж боялся, что ей не понравится.

— Ей не нравится почти ничего, что вы делаете. Именно поэтому вы и привлекаете ее внимание.

Системный щелчок снял последние сомнения.

Если карта уже стала частью игры, ее надо проверить снаружи. Не новой вылазкой за ресурсом. Не полноценным рейсом. Коротко, жестко и только ради проверки правдивости маршрута.

Я собрал легкий комплект. Страховка. Налобник. Монтажный щуп. Тестер. Кусок сигнальной ленты для меток. Никаких карманов под добычу. Никаких красивых мечтаний о случайной находке.

— Сразу предупреждаю, — сказала САРА. — Если вы вернетесь с полными руками хлама и пустой головой, я начну вас оскорблять уже по медицинским основаниям.

— Короткий выход. Без добычи. Не переживай.

— Хотелось бы верить.

Шлюз выплюнул из камеры остаточный воздух. Внешний люк разошелся, и Нулевая Зона снова легла передо мной своей тихой мертвой шириной.

Я пошел по новой ветке медленно, вслух называя опоры. Голос держит ритм и не дает телу втихаря ускориться именно там, где ускоряться нельзя. А спешка здесь была верным способом убиться о первый же кусок плывущего железа.

Металл под подошвами отзывался иначе, чем вчера. Где-то глуше. Где-то тоньше. На первом повороте карта САРА совпала с реальностью почти идеально. На втором дала расхождение примерно в полтора метра.

Не катастрофа. Хуже.

Полтора метра здесь хватало, чтобы из удобной ниши сделать мертвый карман.

Я остановился, приложил ладонь к стенке и почувствовал под металлом слабую рваную дрожь. Не ту, что шла от общего внешнего сдвига. Другая. Более короткая. Живая.

— Источник? — сказал я.

— Ловлю отражение.

Я выключил налобник.

Темнота сразу стала вязкой. Только в ней движение проявилось четко. В дальнем узле, у бокового шва, прошел короткий отблеск. Не свет даже. Отражение на гладкой поверхности. Потом второй. Низко. Быстро. Слишком быстро для человека и слишком осмысленно для дрейфующего хлама.

— Назад, — сказала САРА неожиданно ровно.

— Что ты видишь?

— Не вижу полностью. Есть движение по нижнему контуру. Малая масса. Несколько точек.

— Дроны?

— Надеюсь на более скучный вариант.

Скучного варианта не оказалось.

Первая тварь вылетела из боковой щели так стремительно, что я успел увидеть только форму. Небольшая. Плоская. На четырех цепких лапах, собранных из тонких сегментов. Голова узкая, будто ее сделали из обрезков сервопривода и ножа для резки кабеля. Она ударила не в меня. В шланг внешнего датчика на бедре. Прямо туда, где скафандр был не человеком, а набором уязвимых узлов.

Я отбил ее локтем о стенку. Тварь звякнула металлом, сорвалась, повисла на одной лапе и тут же пошла снова. Из щели ниже полезли еще две.

— Не геройствуйте, — сказала САРА. — Уход по правому борту, сейчас.

— Вижу.

— Вы ничего не видите, вы раздражаетесь.

Она была права, и это бесило сильнее самих тварей. Я дернул страховку, оттолкнулся подошвами и сместился вправо, в узкий выступ у внешнего ребра. Первая тварь снова прыгнула на датчик. Вторая пошла на голень, туда, где проходил кабель магнитной подошвы. Значит, выбор цели у них имелся. Они не рвали мясо. Они вырубали функции. Аккуратно и мерзко.

Монтажный шуп не годился как оружие, но сгодился как аргумент. Я ударил им по ближайшей твари в сочленение лап. Раздался сухой треск, и она улетела вниз. Вторая успела впиться зубчатым захватом в кожу кабеля. Скафандр дернулся, подошва мигнула предупреждением. Я прижал тварь ботинком к стенке и провернул корпус. Под металлом захрустело. Она не сдохла сразу, зато отпустила кабель.

— Две секунды влево, — бросила САРА. — Там будет новый выход из щели.

— Откуда знаешь?

— Потому что я не занята дракой с мусорными тварям и могу сканировать пространство.

Я сместился влево ровно в тот момент, когда из нижней прорези ударила третья. Не в шлем. В крепление страховочного карабина. Хорошая попытка. Карабин звякнул, но выдержал. Я понял, что если останусь тут еще на десять секунд, твари обглодают не меня, а весь мой путь назад.

Пришлось слушать САРУ.

— Два шага вверх по ребру, потом рывок к главному стыку, — сказала она.

— Там узко.

— Потому и живо. Быстрее.

Я пошел по ее команде, почти не думая. Два шага вверх. Рывок. Плечом в выступ. Магниты подошв ловят ребро. Сзади щелкают лапы по металлу. Еще рывок за трос. Узкий стык принимает меня в полуклинче, где крупной твари было бы неудобно. Этим тварям тоже оказалось тесновато. Они попробовали пролезть по одной, и тут преимущество вернулось ко мне. В узости уже можно было работать не храбростью, а геометрией. Я дождался первой, прихлопнул ее кромкой сервисной крышки, которую сорвал на ходу, и сбросил вниз. Вторая попятилась. Третья пошла на обход.

— Уходят к правому каналу, — сказала САРА.

— Видишь?

— Наконец-то да. Мелкая биомеханика. Приоритетно атакует по уязвимым узлам. Могу продолжить издевательски точное описание позже.

Я выдохнул коротко и злорадно. Даже в такой момент она умудрилась сохранять свой административный яд. Станным образом это помогло. Там, где человек мог бы начать говорить успокаивающую чушь, САРА просто резала ситуацию по фактам, и оттого мозг не расползлся от паники.

До шлюза я возвращался быстро, но уже не слепо. Твари не преследовали в открытую. Они шли параллельно, где-то по нижним ребрам, время от времени выдавая себя коротким

царапаньем. Значит, не случайность. Значит, сектор живее, чем я надеялся. И снаружи уже есть что-то, чему не нравятся чужие кабели, шланги и страховки.

Когда внутренний люк встал на место, я только тогда позволил себе снять шлем. Воздух ударил в лицо теплой старостью челнока, и это показалось лучшим запахом за весь день. Я сел прямо на пол, положил голову на стенку шлюза и несколько секунд слушал собственный пульс.

— Поздравляю, — сказала САРА. — Совместная работа дала результат.

— Не зазнавайся.

— Я документирую факт.

И правда. Факт выглядел так себе, зато был полезен.

Карта без внешней проверки врет.

Биомеханическая мелочь бьет по скафандру, а не по лицу.

Укрытия важнее прямой линии.

САРА во внешнем секторе нужна не как собеседник, а как второй набор глаз и прогнозов.

Я вскрыл надкусанный кожух прямо в шлюзовой камере и начал менять провод датчика, пока руки еще слушались.

— Закрепим порядок, — сказал я.

— Вы снова изображаете руководство.

— Диагностика, карта, ловля расхождений, предупреждение по внешним сдвигам и сигнатуре. Твоя зона.

— Уже терпимо.

— Решение о выходе, возврате, риске и том, что режем из контура, мое.

— Банально, но может сработать.

— Любой приказ на немедленное действие даешь коротко. Что делать и почему.

— То есть вы хотите от меня не характер, а пользу?

— Характер у тебя и так никуда не денется.

На секунду она замолчала.

— Принято, — сказала САРА уже без обычной усмешки.

Это короткое подтверждение значило больше всех прошлых колкостей.

Не удачная реплика. Не очередная пикировка. Короткое рабочее согласие, после которого я впервые по-настоящему поверил, что дальше мы будем не просто ругаться в одном отсеке, а тащить одну и ту же задачу в четыре руки и один голос.

Система мигнула снова.

[Журнал отклонений обновлен]

[Режим совместной верификации подтвержден]

[Маршрут 9-Б помечен как нестабильный]

Я перечитал это дважды.

Вот и хорошо. Пусть пишет. Чем больше она вынуждена признавать живую проверку и кривую реальность, тем труднее ей будет потом подсовывать мне гладкую ложь вместо маршрута.

Я повесил на панель новую записку рядом с двумя старыми.

«САРА ведет карту. Я веду риск. Красивому маршруту не верить».

На сегодня этого хватало.

Не выход за ресурсом.

Не победа.

Просто день, когда челнок стал чуть меньше коробкой с полочками и чуть больше рабочим местом, где два испорченных ума наконец договорились смотреть в одну сторону.

Завтра можно будет идти за добычей.

Глава 4. Первый выход

Короткие вылазки хороши тем, что не успеваешь в полной мере почувствовать, какой хрупкой конструкцией на самом деле является твоя жизнь. Полноценный выход эту иллюзию лечит быстро.

Я начал с маршрута. Не с кислорода, не с троса и не с инструмента. С маршрута.

После того как САРА вывернула мне на экран настоящую геометрию ближнего сектора, прямые линии перестали существовать. Девятый рукав больше не выглядел удобным поясом хлама, который только и ждет, чтобы из него аккуратно вынули нужное. Он стал тем, чем и был с самого начала. Набором временных соглашений между дрейфующими обломками, дохлыми модулями и силой, которая толкала все это мертвое железо друг на друга, не спрашивая моего мнения.

Я сидел у панели и рисовал путь на три слоя. Основной. Резервный. Аварийный.

Основной шел через верхний перелом рукава, обходил щель, где вчера возились мелкие твари, и выводил к старой секции шлюзовой фильтрации, только глубже, к грузовому карману. Там по логике сектора должен был лежать не один картридж, а что-то крупнее. Полноценный фильтровый узел, например. Возможно, корпусный модуль очистки. Возможно, просто мертвая пустышка. Но шансов там было больше, чем у ближнего мусора, который я уже ободрал как липку.

Резервный маршрут уходил ниже, через кривой лаз между двумя переборками. Узкий, неудобный, зато более устойчивый к внешнему дрейфу. Аварийный вел по наружному ребру с возвратом через сорванный сервисный кожух. Я смотрел на эту схему и уже заранее ненавидел третью ветку. Хороший знак. Если аварийный путь нравится, значит, ты его плохо посчитал.

— Основной маршрут красивый, — сказала САРА.

— Значит, врет.

— Уже меньше, чем вчера. Дрейф допустимый. Окно сорок семь минут до первого крупного расхождения.

— А на обратный путь?

— С запасом. Но только если вы не начнете собирать все подряд в карманы.

— Ты говоришь так, будто плохо меня знаешь.

— Я говорю так, будто знаю вас достаточно.

Я перепроверил маршрут вручную. Прогнал по корпусу натяжение страховочного троса, посмотрел, как отзываются на внешние микродвиги скобы крепления у шлюза, отметил точки, где можно быстро зацепиться, если сектор дернет. Потом занялся скафандром. Рукав после прошлой встречи с тварями уже сидел на новой стяжке. Кожух датчика на бедре я заменил ночью. Карабин страховки сменил целиком, не доверяя старому ни на йоту. Левую подошву пришлось разобрать и прочистить, потому что в зацепе застряла чужая металлическая крошка. Магниты держали, но не так ровно, как хотелось. Значит, лишней акробатики сегодня не будет.

Тело на такие планы отозвалось без восторга. Шею после сна снова ломало. Плечо ныло при каждом резком движении. Под ребрами с утра тянуло так, будто внутри остался кривой осколок, который не хотели вынимать даже ради приличия. Я проглотил половину пайка, сделал два экономных глотка воды и несколько минут сидел молча, считая дыхание. В такие дни особенно важно не перепутать готовность с привычкой терпеть.

— Медицинское заключение, — сказала САРА. — Состояние поганое, но функциональное. Моторика в пределах приемлемого. Когнитивная скорость средняя. Упрямство, как всегда, избыточное, не контролируемое.

— Последний пункт не баг.

— Я и не говорю, что это баг. Я говорю, что он плохо поддается контролю.

На пояс я повесил минимальный набор. Монтажный нож. Короткий тестер. Магнитный крепеж. Две полосы герметика. Легкий резак-пилка, который скорее царапал металл, чем резал, но иногда и этого хватало. Пустой подсумок под находку. Брать что-то тяжелее значило заранее расписаться в глупости. САРА, конечно, все равно решила меня добить контрольным вопросом.

— Ограничение по массе назовете сами или мне снова напоминать, что вы не грузовой дрон?

— Не больше восьми килограммов на чистую добычу.

— Уже лучше.

— Или один узел, если он реально решает проблему.

— Уже хуже. Но хотя бы без фантазий.

Шлюз выдул из камеры остаточный воздух, внешний люк разошелся, и Нулевая Зона снова легла передо мной всей своей мертвой шириной. Изнутри челнока она всегда смотрелась почти спокойно. Стоило выйти, и спокойствие распадалось на реальные вещи. На пустоту под подошвами. На рваные тени в глубине сектора. На ленивый дрейф дальних обломков, каждый из которых мог стать твоей проблемой не сегодня, так через двадцать минут.

Я двинулся по основному маршруту, вслух называя шаги. Не для САРЫ, а для себя. Когда голос проговаривает порядок действий, меньше шансов сорваться в суету на первом же неучтенном звуке.

— Шлюз?

— Подтверждаю.

— Верхний перелом?

— Чисто.

— Первый карман?

— Дрейф в пределах допуска.

Так мы и шли. Я через железо и дыхание. Она через карту и вероятности. Голос САРЫ теперь не лез в голову без спроса. Он шел рядом. Почти как инструмент. Очень разговорчивый и отвратительный инструмент, но я давно заметил, что хорошие вещи редко выглядят достойно.

Верхний перелом рукава встретил меня узким проломом между ребрами корпуса. Там пришлось вывернуть плечо и идти боком, чувствуя, как скафандр шоркает по кромке металла. Плохо. Зато быстро. Дальше сектор открывался шире, и уже там становилось видно, что девятый рукав не просто коридор, а целая полоса связанного мусора с собственными карманами, слепыми зонами и навязчивой привычкой медленно менять форму.

Свет здесь был неприятный. Не яркий. Разорванный. От одного мертвого маяка, застрявшего где-то в глубине сектора, шли косые белые вспышки, и в их ритме вся геометрия то собиралась, то распадалась. В такой среде особенно легко принять устойчивое за временное и временное за проход. Я пару раз специально останавливался, чтобы посмотреть на карман под другим углом. Из одной точки он выглядел проходом. Из другой становился просто щелью в мертвом ребре.

— Еще двенадцать метров, — сказала САРА. — Потом поворот в грузовой пояс.

— Слышу.

— Что именно?

— Ложь.

— Какая прелесть. Уточните.

Я поднял ладонь, прижал ее к стенке сектора и дождался серии слабых толчков. Не снаружи. Внутри кармана. Что-то тяжелое время от времени билось в зацеп, потом отпускало. Не

живое. Масса. Значит, грузовой пояс работал не так, как думала карта. Там что-то ходило на остаточном крепеже и могло в любой момент перекрыть мне или вход, или обратный путь.

— Не двенадцать метров. Восемь, потом сдвиг.

— Подтверждаю, — сказала САРА после короткой паузы. — Неплохо сработано.

— Ты так говоришь, будто мне за это дадут орден.

— Я бы выдала наклейку. На шлем. За редкий случай полезной сенсорики.

В грузовой пояс я вошел медленнее, чем хотелось. Внутри висели два контейнерных кожуха, сорванных с фиксаторов и зацепившихся друг за друга так, что издали это место выглядело устойчивым. Вблизи же становилось ясно, что вся конструкция живет на одной балке и дурной памяти о равновесии. Под контейнерами лежал узел, ради которого я сюда и полз. Цилиндр фильтрации промышленного класса. Не новый. Но целый. Толстый корпус, нормальные крепления, два боковых патрубка и маркировка грузового шлюза. Вот это уже было не картриджем, а целым каркасом для воздуха. Вещью, после которой челнок впервые мог начать походить не на греб с хорошими привычками, а на базу в зачатке.

И тут же поверх зрения дрогнуло короткое окно.

[Объект обнаружен]

[Фильтровый узел грузового шлюза]

[Состояние: частично пригоден]

[Требуется ручной оценки]

Я зло усмехнулся.

— Спасибо, что пришла после того, как я это уже увидел.

— Система не любит торопиться, когда можно сделать умное лицо позже, — отозвалась САРА.

Именно такие находки особенно любят оборачиваться ловушкой.

Я не полез к фильтру сразу. Сначала проверил грузовые кожухи. Первый висел пустой. Во втором осталось что-то тяжелое, и эта масса как раз и была изнутри по сорванному крепежу, когда сектор чуть вводило дрейфом. Значит, если начну тянуть фильтр слишком резко, контейнер сдвинется, балка уйдет, и мне на голову упадет весь этот наглядный урок о жадности.

— Могу предложить два сценария, — сказала САРА.

— Только коротко.

— Первый. Режете балку слева, сбрасываете верхний кожух, получаете чистый доступ к фильтру и сильно заметный звуковой след.

— Так себе, а второй?

— Второй. Поджимаете нижний зацеп магнитным крепежом, разгружаете узел вручную и молитесь своему сомнительному богу механики.

— Почти божественно.

— Ваши религиозные вкусы ужасны.

Пришлось работать руками. Я вытащил два магнитных фиксатора, посадил их на нижний зацеп, потом медленно подвел под край контейнера короткую распорку из обломка рельса, который нашел тут же, в полуразрушенном направляющем профиле. Работа была несложной, но такой, на которой нельзя ни спешить, ни ошибаться. Металл поскрипывал под руками. Где-то внутри контейнера снова перекатилось что-то тяжелое. Плечо сразу напомнило мне, что после прошлой стычки оно стало хуже, а не лучше. Я остановился, дождался, пока шум в ушах спадет, и только потом продолжил.

— Кислород? — спросила САРА.

— В норме.

— У вас слова «в норме» всегда пахнут авансом.

— Я плачу потом и кровью.

— Вот именно.

Фильтр вышел из гнезда после третьего усилия. Не сам. С неохотным рывком, будто за ним в грузовом кармане оставалась часть старого мира, где вещи еще лежали на своих местах и не пытались придавить тебя за право их тронуть.

Весил он прилично. Больше, чем хотелось. Меньше, чем боялся. Тащить можно. Бежать с ним нельзя.

Я притянул фильтр к груди, закрепил ремнем под левым плечом и в тот же момент почувствовал через вибрацию тот звук, который никогда не означает ничего хорошего. Тихий металлический стон, будто длинная полоска корпуса медленно выходит из старого напряжения.

Контейнер над головой поехал.

Не быстро. Медленно. Так, чтобы у меня хватило времени понять, за что именно я сейчас буду расплачиваться.

— Назад два шага, вправо, немедленно, — сказала САРА.

Я дернулся по ее команде и почти успел. Край контейнера задел фильтр, вырвал его у меня из руки и швырнул в боковой выступ. В секторе прошел глухой удар. Пояс дрогнул весь, от верхних балок до пола. Свет маяка прыгнул. Металл под подошвами на секунду стал чужим.

Я схватился за страховку, оттолкнулся, удержал корпус в узкой щели между двумя ребрами и увидел самое неприятное. Фильтр не улетел в пустоту. Он застрял в трех метрах от меня, на краю сдвинутого контейнера. Совсем рядом. И ровно настолько далеко, чтобы добраться за ним означало снова войти под медленно сползающий груз.

— Не лезьте, — сказала САРА.

— Без него выход будет пустым.

— А с ним выход может стать последним.

Я смотрел на фильтр. Контейнер сползал по миллиметру. Угол менялся медленно, но в правильную сторону. Еще минута, и фильтр уйдет вниз вместе с ним. Возвращаться с пустыми руками значило потерять окно, маршрут и целый день на новый проход. И сам фильтр тоже. Не абстрактный приз, а вещь, которая уже почти была у меня в руках.

Лезть под груз значило платить не временем, а телом. Плечом. Ребрами. Запасом воздуха. Всем сразу. Обычно именно в такие минуты люди начинают героически врать себе про судьбу. Я давно предпочитал слова попроще. Выбор был плохой. Остальные хуже.

Я нашел в полу сервисный крюк, сорвал его, пристегнул к короткому тросу и бросил петлю на корпус фильтра. Первая попытка ушла в молоко. Вторая зацепила патрубок и сразу сорвалась. На третьей петля встала на крепежное ухо. Я лег на ребро, закрепил ноги, выбрал слабинку и потянул не только руками, а всем телом, медленно, чтобы не сдвинуть контейнер сильнее чем нужно. Металл наверху снова простонал. Фильтр полз ко мне по кромке выступа по сантиметру, с мерзким скрежетом. Потом контейнер дернулся еще раз, уже резче, и этого хватило, чтобы фильтр сорвался окончательно.

Но не вниз, а ко мне.

Он ударил в колени, чуть не выбил меня с опоры и повис на тросе. Я прижал его локтем к корпусу, вцепился в ребро и замер, пока сектор успокаивался после своего маленького обвала. В ушах грохотало собственное дыхание. Плечо налилось тупой жаркой болью. Зато фильтр был у меня.

— Довольны? — сухо поинтересовалась САРА.

— Пока нет.

— Удивительная прозорливость.

Возврат после такой добычи всегда меняет весь маршрут. Даже если карта на экране продолжает врать, что назад идти столько же, сколько вперед. Масса прижимает к металлу иначе. Центр тяжести съезжает. Руки заняты. Любой узкий пролом начинает выглядеть как издевательство.

На обратном пути я сделал именно ту ошибку, за которую потом платят в мирное время, а не в бою. Увидел короткую прямую ветку и решил срезать три метра.

Эту ветку я узнал. Еще при расчете записал ее в подозрительные, слишком уж красивая. Теперь, под тяжестью фильтра, она показалась приемлемой. Всего три метра. Всего один косой проход. Чуть меньше времени под нагрузкой. Человек особенно легко продает себе ложь на слове «всего».

Стоило войти в эту щель, как сектор мягко ушел из-под правой подошвы. Не обвалился. Просто сместился. Достаточно, чтобы нога соскользнула с ребра, а фильтр всей своей массой потянул меня вниз. Страховка дернула пояс. Правым плечом я врезался в стенку. Визор на секунду залило белым бликом. Фильтр ударил в бок так, что из меня вылетел весь воздух, который я старательно экономил последние полчаса.

— Назад по тросу, — предостерегла САРА.

Да я и без нее уже понял. Но именно без нее мог попытаться упрямо продавить проход дальше. Трос шел поверху. Я перевел на него часть массы, подтянул фильтр, выбрался локтем на ребро и только тогда почувствовал, как дрожат руки.

Красивые сокращения в Нулевой Зоне выглядят неплохо ровно до того момента, пока ты им не поверил.

Я вернулся на основной путь, злой, тяжелый и очень внимательный. Больше никаких коротких веток. Больше никаких услуг самому себе. Три метра, которые я пытался выгадать, сожрали у меня почти семь минут, сорвали дыхание и добавили новый синяк под ребра. Неплохой способ запомнить правило.

— Сделать пометку на карте? — спросила САРА.

— Сделать. И подпиши как путь для идиотов.

— Вы предпочитаете самокритику или каталогизацию?

— Я предпочитаю не коллекционировать однотипные грабли.

До шлюза дотащился уже на чистом упрямыстве. Шаг. Фиксация. Перенос массы. Пауза. Еще шаг. Плечо горело, как перегретый провод под нагрузкой. Шея ныла. Внутри шлема воздух становился все суше и горячее. Но когда люк встал за спиной и камера начала набирать давление, я впервые за все время позволил себе не радость даже, а просто короткое ослабление хватки.

Фильтр лежал на полу шлюза тяжело и убедительно. Не картридж. Не временная банка. Нормальный корпусный узел очистки. Пусть потасканный. Пусть с царапиной на одном патрубке. Но фильтр.

Я снял шлем, сел рядом с находкой и несколько секунд просто слушал, как челнок дышит своим старым, спертый воздухом, а я своим.

— Подведем итоги? — спросила САРА.

— Маршрут выдержал бы, если бы не моя любовь к срезанию пути.

— Уже лучше.

— Срезки режут в ответ.

— Тавтология, но в точку.

— Девятый рукав живет своей геометрией, а не моей надеждой.

— Поздравляю. Вы открыли каталог банальных истин.

Фильтр я пока даже не трогал. Сначала обычный порядок. Кислород. Вода. Заряд. Состояние скафандра. Потери по телу. Все по порядку. Челнок пережил мое отсутствие. Я пережил вылазку вне его пространства. И только теперь можно было смотреть на добычу.

Когда я наконец поднял корпусный узел на столешницу и очистил маркировку, под слоем серой грязи выступила надпись грузового шлюза и две цифры остаточного ресурса. Еще живые. Не полностью, но живые.

Поверх нее пришло еще одно окно.

[Маршрут 9-Б обновлен]

[Тяжелый узел доставлен]

[Доступна расширенная схема фильтрации]

Я провел большим пальцем по грязному корпусу и только потом позволил себе нормально выдохнуть.

Вот это уже было ближе к делу.

Такой фильтр не спасал все разом. Он просто обещал, что следующий вдох в челноке можно будет покупать не с такой унизительной наценкой, как раньше. Не еще один час, вырванный у поломки. Не временную отсрочку. Нормальный кусок будущего, пусть и грязный, тяжелый и весь в царапинах.

Победой я это все равно не назвал.

Слишком рано.

Просто теперь у меня на столе лежала вещь, которую я не нашел случайно и не выдрал у аварии на остатках паники. Я принес ее снаружи сам. Через маршрут, массу, ошибку и боль.

САРА вывела на экран обновленную карту сектора. Уже не как картинку для удобства, а как рабочую карту.

Я долго смотрел на нее, потом перевел взгляд на фильтр, на исцарапанный шлем, на шов в дальней стенке и понял простую вещь. Челнок больше не кончался там, где заканчивалась его обшивка. Он уже тянулся в рукав, в карман, в ту полоску пространства, которую я успел вырвать себе у Нулевой Зоны и дотащить обратно вместе с тяжелым корпусом очистки.

Глава 5. Воздух и вода

Челнок за ночь научился шуметь по-новому.

Вместо прежнего нервного шелеста, в котором каждый вдох звучал как спор с поломкой, за переборкой теперь жил низкий упорный гул. Промышленный фильтровый узел тянул воздух через себя без всякой деликатности, а старое железо отвечало ему мелкой дрожью. Панели подрагивали. Вибрация доходила до спального ложа и оттуда уже в кости. Заснуть под такой аккомпанемент можно было только по одному рецепту, сперва свалиться от усталости, а потом не тратить сил на возмущение.

Зато с первым глубоким вдохом я понял, что ночь прошла не зря. Воздух больше не драл горло так, будто внутри кабины кто-то тихо пересыпал по кругу серую пыль. Тяжести в груди стало меньше. Голова после сна не кружилась на пустом месте. И именно на таком фоне особенно легко было обмануться, решить, что дальше пойдет проще.

Рот пересох так, будто я не спал несколько часов в спасательном челноке, а жевал изоляцию в пустом трюме. Я сел, осторожно придерживая ребра ладонью, и несколько секунд просто слушал себя. Плечо после вчерашней добычи отзывалось тупо и зло. Шея не простила ни сна в полусидячем положении, ни длинной работы с грузом. Под правым ребром ныло так, будто там кто-то оставил на память ржавый крепеж. Сил в теле стало больше ровно настолько, чтобы яснее почувствовать новую беду.

Пакет с водой лежал в ящике под приборной полкой. Вчера вечером я специально убрал его подальше, чтобы не смотреть каждые десять минут. Умная мера, если хочешь растянуть спокойствие. Бесплезная, если хочешь растянуть воду. Пакет стал легким и мягким, как дурная отговорка. Я прикинул вес на ладони и поморщился.

— Доброе утро, — сказала САРА. — Кислородный контур держится лучше. Ваше настроение, судя по лицу, нет.

— Вода.

— Надо же, вы тоже умеете ставить диагноз в одно слово.

Я сделал маленький глоток и подержал воду во рту, пока пластик не перестал отдавать чужой тарой. Организм отозвался мгновенно и очень недостойно. Хотел еще. Сразу. Сейчас и много. Именно поэтому второй глоток я не сделал.

На панели жизнеобеспечения горели три кривые. Первая наконец пошла вниз, уровень взвеси в воздухе. Вторая ползла туда, куда ей и положено, расход питания. Третья держалась на неприятной отметке и обещала стать еще неприятнее. Влажность.

САРА вывела рядом расчет и безжалостно подсветила главное.

— При текущем режиме фильтрации и вашей обычной склонности работать дольше, чем вам полезно, питьевой предел наступит раньше, чем воздушный.

— Насколько раньше?

— Настолько, что спорить со мной невыгодно.

— Яснее.

— Если ничего не менять, красивый новый воздух переживет ваш запас воды.

Я встал, держась за край стола, и пошел к фильтровому узлу. После вчерашнего рейса я закрепил его только на скорую руку, чтобы дотянуть ночь без сюрпризов. Нормального места для этой железной туши в челноке не существовало. Она лежала у правой стенки, стянутая ремнями к ребру корпуса и боковой стойке, как слишком тяжелый пациент в полевом отсеке. Два патрубка я уже посадил на переходники. Третий пока оставался заглушен. Временный фильтр грубой очистки от второй главы висел рядом, обиженный и шумный, будто понимал, что его только что понизили в звании, но выгнать пока не решились.

Воздух действительно стал лучше не сам по себе. Новый узел тянул сильнее, глубже и грубее. Сырым потоком он прогонял по контуру то, что раньше только вяло шевелилось старым вентилятором. Вместе с пылью он вытягивал и остатки влаги, до которых раньше просто не дотягивался. Санитарный блок я в свое время добил окончательно. Вторичный сбор ушел тогда вместе с его внутренностями. Теперь система перестала душить меня по минуте и взялась душить в долгосрочную.

Я присел перед нижним лючком, открутил крышку и полез рукой внутрь. Крепеж на стыке уже успел дать серый налет, а значит, узел подсасывал не там, где нужно. Плечо тут же напомнило, что вчера я тащил на себе не идею будущего, а реальный кусок промышленного железа. Пришлось остановиться, выдохнуть, сменить хват и только потом затягивать хомут.

— Медленнее, — сказала САРА. — Если сорвете патрубок, получите одновременно плохой воздух и плохое настроение.

— Плохое настроение у меня уже есть.

— Тогда не вижу причин улучшать комплект.

Минут через двадцать стало ясно, что контур я удержу. Не красиво. Зато работоспособно. Основной поток шел через тяжелый узел, грубый фильтр оставался на подхвате, боковой клапан я перевел на ручной сброс, чтобы не верить автоматике на слово. Тогда интерфейс тихо дрогнул и выдал новое окно.

[Контур фильтрации расширен]

[Локальный узел жизнеобеспечения признан]

[Доступен рецепт: Временный водный круг]

[Требуется x1]

[Ледяной концентрат x1]

[Сорбент x1]

[Биомембрана x1]

[Трубка x1]

[Режим: Ручной контроль обязателен]

Я перечитал окно дважды. Не из-за его сложности. Наоборот. Именно простота раздражала сильнее всего.

— Конечно, — сказал я. — Воздух кое-как заработал, и Система тут же делает вид, что вода собирается между делом.

— Четыре слова и список деталей, — отозвалась САРА. — Мечта любого идиота, который никогда не отмывал мембрану руками.

— Зато честно про ручной контроль.

— Я бы не спешила хвалить сущность, которая сначала ломает мир на классы и ранги, а потом великодушно разрешает вам умереть из-за их сложности.

Рецепт висел в углу зрения, холодный и ровный. Не приказ, не просьба. Просто очередной вариант сделки. Хочешь воду, собирай круг. Хочешь круг, найди чем заплатить за его материалы. Хочешь жить дольше, забудь про удобство. Система не подгоняла, но и не оставляла возможности притвориться, будто беда исчезнет сама собой.

У меня был длинный список работ, гораздо приятнее чем эта. Скафандр после прошлых выходов просил нормальной переборки. Карта сектора требовала чистого переноса на отдельную панель. Даже просто разобрать часть хлама под спальным местом сейчас казалось занятием почти праздничным. Водный круг не обещал ничего, кроме грязной возни, ожидания и риска испортить последние рабочие узлы ради нескольких сотен граммов мутной жизни.

Именно поэтому начинать пришлось с него.

Я вытащил из ниши останки санитарного блока. После переработки он выглядел как человек, которого пытались спасти оперируя отверткой, а потом бросили недобитым, мучаться

под столом. Корпус был вскрыт, внутренний канал сорван, сборник влаги пуст. Зато в глубине оставался мембранный пакет. Слипшийся, пожелтевший по краям, но еще живой.

— Биомембрана, — сказала САРА. — С оговорками.

— Какими?

— Если отмоете, не порвете и не решите, что старую слизь можно назвать заводской смазкой.

— Очень поднимает дух.

Сорбент нашелся в одном из боковых картриджей тяжелого фильтра. Не свежий, но плотный. С трубкой тоже вопрос решился без лирики. Я выдрал длинную сервисную магистраль из мертвого контура санитарного блока, промыл ее в техническом растворе и еще раз выругал себя за то, что вообще довел челночный быт до такого уровня импровизации. Добыть промышленный фильтр оказалось легче, чем потом сидеть на полу и выковыривать ногтем старую мембрану из дохлого модуля.

С ледяным концентратом пришлось повозиться.

САРА подсказала смотреть не в аварийных ящиках, а внутри самого грузового узла. У промышленных фильтров такого класса стояли карманы улавливания конденсата, рассчитанные на грубую работу со смешанным воздухом и паром. Если повезло, в одном из них мог остаться плотный подмороженный осадок. Не вода в привычном смысле. Грязный ледяной концентрат, из которого еще предстояло вытрясти пригодную жидкость.

Повезло наполовину.

Кассета сидела глубоко, за обшивкой сервисного кармана. Чтобы ее достать, пришлось улечься на бок между фильтром и стенкой, вывернуть плечо и почти наощупь работать коротким ключом. Боль в шее от такого угла шла сразу в висок. Пальцы через несколько минут начали подрагивать. Ключ дважды срывался с насечки и оба раза больно бил по костяшкам.

— Вам стоит отдохнуть, — сказала САРА.

— Нет, я спешу.

— Именно поэтому нужна.

Я замер, уткнувшись лбом в холодную панель. Воздух у стенки шел сильнее, чем в жилой части, и после пары вдохов голова прояснилась. Потом я сменил руку, надавил уже всем корпусом и почувствовал, как кассета наконец сдвинулась. Внутри что-то тихо звякнуло. Через секунду в ладонь выползла серебристая коробка, покрытая снаружи тонкой белой коркой.

Вот это уже было ближе к делу.

Внутри лежал не лед, а серо-голубая крошка вперемешку с темным налетом. Пахло от нее не химией даже, а чем-то усталым и техническим, будто влага слишком долго жила среди фильтров, пока не перестала понимать, зачем ей вообще быть водой. Я закрыл кассету обратно.

— Съедобным не выглядит, — сказал я.

— Других простых вариантов нет, — ответила САРА. — Но да, сначала фильтрация, потом проверка, потом что-то большее.

Челнок к тому моменту уже мало напоминал место, где можно пройти от койки к шлюзу не задев что-нибудь жизненно важное. На полу лежали снятые панели, возле кресла копилась распотрошенная начинка санитарного блока, тяжелый фильтр занимал правую стенку, а инструменты расплзлись везде, куда дотягивалась рука. Нормального рабочего места у меня не было, и следующую большую поломку в этой базе я вполне мог устроить сам, просто встав не туда.

Для временного водного круга нужен был холод. Не красивое слово в рецепте, а реальная разница температур, на которой влага согласится сменить форму и не убежать обратно в теплый воздух. Самое холодное место в челноке сидело у шлюзового ребра, там, где внешняя кожа еще честно помнила вакуум. Туда я и потянул трубку. Через весь отсек. Мимо фильтра.

Над ящиком с пайком. Под аварийной полкой. Уже на этом шаге стало ясно, что жить с такой сборкой можно только в одном случае, если ни разу не забыть о ее существовании.

— Красиво выходит, — сказала САРА, когда я крепил трубку к ребру лентой и двумя старыми скобами.

— Сейчас начнешь смеяться, отключу динамик.

— Не начну. Я просто пытаюсь представить, как вы ночью полезете за инструментом и сорвете себе единственный шанс не жевать воздух вместо воды.

— Значит, не полезу.

— Я уже люблю этот уровень вашего самообмана. Он почти терапевтический.

Собрать круг целиком с первого раза, конечно, не вышло. Мембрана сначала встала криво и начала пропускать муть в приемную емкость. Потом сорбент в боковом кармане вздулся сильнее нормы и перекрыл поток. После этого я минут десять ловил проклятую трубку, которая норовила вывернуться на изгибе и лечь так, чтобы конденсат стекал обратно к теплому узлу. Вся работа оказалась именно такой, какой и должна быть в живом мире. Не собери по рецепту и пользуйся, а скорее отбей у поломки право на очередной шаг, проверь, не врет ли он, потом плати за следующий.

Первую порцию пришлось вылить сразу.

В донце старой кружки, которую я приспособил под приемник, набралось меньше двух пальцев мутной жидкости. На свету в ней плавали едва заметные серые хлопья. САРА выдала сухое предупреждение раньше, чем я успел даже всерьез задуматься о глотке.

— Не пить!

— Я не настолько плох.

— Вы именно настолько плохи, когда устаете.

Она не ошибалась. Вода стояла передо мной почти в насмешку. Организм видел только форму. Мозги обязаны были помнить остальное. Я вылил первую порцию в технический поддон, промыл круг и начал заново.

К полудню стало ясно, что одной сборкой дело не ограничится. Тяжелый фильтр и водный круг не дружили друг с другом. Воздушный узел жрал питание, грел отсек и гнал поток так, что конденсат едва успевал схватываться на холодном ребре. Стоило приглушить фильтрацию ради воды, воздух в жилой части быстро тяжелел и начинал напоминать, почему я вчера полез за грузовым узлом, а не за красивыми идеями. Приходилось выбирать не между хорошим и плохим, а между двумя видами неполной жизни.

Я долго смотрел на кривые, потом вывел клапан сброса на ручной цикл и перестроил режим.

— Что вы делаете? — спросила САРА.

— Распределяю им время.

— Кому именно? Жизни или поломке?

— Обеим. Пусть работают по расписанию.

Я поставил фильтр на двадцать минут активного прогона, потом переводил поток в тихий режим и на шесть минут отдавал питание водному кругу. Этого едва хватало, чтобы холодное ребро не успевало прогреться, а воздух не скатывался обратно в помойку. Каждые два цикла требовалась ручная продувка. Каждые три, промывка мембраны. Каждую ошибку система оплачивала щедро, либо падением качества воды, либо срывом воздушного баланса.

На панели появилась новая таблица. Я написал ее маркером прямо рядом с картой, потому что красивый интерфейс в голове слишком легко превращается в смутное ощущение, будто ты все помнишь.

«Воздух. Тихий режим. Вода. Продувка. Проверка.»

Пять слов, в которых на ближайшие сутки уместилась почти вся моя свобода.

Особенно обидно человеку не в бою, а в те минуты, когда он сидит на корточках возле самодельного водяного круга и ждет, пока в кружку начнет капать жизнь. Я провел рядом с этой сборкой почти три часа, и самым заметным событием за все время стало то, что одна капля наконец упала не в сторону, а куда надо.

— Поздравляю, — сказала САРА. — Вселенная согласилась выдавать вам воду по одной капле и с выражением явного раздражения.

— Похожа на тебя.

— У меня же лучше производительность!

Когда жажда тянется долго, она перестает быть простой. Сначала хочется пить. Потом хочется перестать думать о питье. К вечеру меня раздражал уже сам звук собственного дыхания, потому что каждый выдох уносил влагу туда, где я потом ловил ее через мембрану и сорбент, как вор, который крадет у себя самого.

В такие часы особенно хочется заняться чем-нибудь другим, полезным и быстрым. Я как раз полез за комплектом для скафандра, решив, что пока круг работает в штатном режиме, успею хотя бы перебрать бедренный датчик. Именно в эту секунду локоть зацепил трубку.

Тихий сухой щелчок я услышал сразу. Потом приемная кружка качнулась, линия сорвалась с верхней скобы и тонкая струйка стекла мимо, прямо на пол и в щель между панелями.

Я успел схватить трубку. Не успел спасти воду.

Две драгоценные ложки, возможно три. Для нормального человека смех. Для меня в тот час настоящая оплеуха.

Я застыл, вцепившись одной рукой в трубку, другой в край ящика, и смотрел, как последние прозрачные нити уходят в решетку пола.

— Могу предложить саркастический комментарий, — осторожно сказала САРА.

— Не сегодня.

— Справедливо.

Злость пришла тихая и очень чистая. Без желания ломать. Без красивых слов. Просто с ясным пониманием, что я не могу больше собирать базу на крышке ящика, где одно нужное дело срывает соседнее. Не могу жить среди инструментов, патрубков и мембран так, будто теснота сама когда-нибудь устыдится и отступит. Челнок не собирался мне помогать. Каждый новый рабочий узел делал его менее пригодным для простого человеческого движения.

Я закрепил трубку заново, уже не на две скобы, а на целый пояс из ленты и крепежных хомутов. Потратил на это лишний материал и не пожалел. Потом убрал в сторону весь инструмент, не нужный водному кругу. Потом освободил себе один узкий проход к панели и один к шлюзу. Только после этого дал системе снова запуститься.

Еще час ушел на проверку качества. Лаборатории у меня не было, права на безопасность тоже. Я гонял через круг малые порции, смотрел на прозрачность, проверял проводимость старым текстестером и сверял тепловой режим по датчикам фильтра. В какой-то момент вода перестала нести видимую муть. Потом ушел слабый серый осадок. Остался только вкус фильтра и металла, но с таким в Нулевой Зоне можно было договариваться.

— Вердикт? — сказал я.

САРА не ответила сразу. На экране мелькали цифры. Потом она вывела сухую строку.

— Для употребления годится с оговорками. Если держать режим, не жадничать, не лениться с продувкой и не путать рабочую воду с отработанной.

— То есть пить можно?

— Можно. Не как на курорте, а как человеку, который еще хочет увидеть завтрашнее утро.

Первый глоток из нового круга не имел ничего общего с удовольствием. Вода шла чуть теплее, чем хотелось, и с такой странной пустотой на языке, будто у нее отобрали все лишнее

вместе с правом называться вкусной. Я проглотил, подождал, прислушался к себе и только потом выпил вторую маленькую порцию.

Организм отреагировал мгновенно. Не благодарностью. Скорее коротким прекращением войны. Голова перестала давить изнутри. Дыхание выровнялось еще на полтона. Плечо, конечно, не простило ничего, ребра тоже, но жить в собственном теле вдруг стало немного меньше похоже на дисциплинарное взыскание.

Интерфейс дрогнул снова.

[Временный водный круг активен]

[Качество воды: нестабильно]

[Особенность: Потеря выхода при перегреве]

[Особенность: Оставлять без присмотра нельзя]

Я почти рассмеялся.

— Очень щедро, — сказал я. — Система официально признала, что если я отвернусь, она меня снова попытается убить.

— Честность ей идет, — заметила САРА.

— Не надо ее очеловечивать.

— Даже не собиралась. Я просто рада, что вы наконец оказались в отношениях, где предупреждения формулируют заранее.

Ночь подкралась через усталость в глазах и то, как медленно я начал поворачиваться между стенками. Воздух и вода к тому часу держались. Не сами и не стабильно. Я просто нашел ритм, на котором база пока соглашалась не убивать меня слишком быстро. Тяжелый фильтр работал в чередовании режимов. Водный круг капал и капризничал. На панели висело расписание, которое нельзя было забывать даже ради сна.

Я сел у стола, вернее, у того, что раньше еще можно было без иронии назвать столом, и оглядел отсек.

Справа громоздился фильтр. Слева тянулась трубка к холодному ребру. Под ногами стояли две емкости, одна под чистую воду, вторая под промывку. На спальном месте лежали снятые панели, потому что девать их было некуда. Под приборной полкой ждали своего часа скафандровые крепления и бедренный датчик. Санитарный блок, вернее его жалкие остатки, все еще торчал из раскрытого корпуса, как дурное напоминание о цене каждого удачного решения. Даже чтобы просто сесть ровно, мне пришлось сначала убрать тестер, потом отодвинуть ключ, потом проверить, не задену ли локтем трубку.

Никакая база не живет долго, если любая работа мешает соседней. Никакой человек не держит порядок в коробке, где шаг вправо бьет по воздуху, шаг влево по воде, а поворот плеча по инструменту, который еще утром был нужен для жизни. До сегодняшнего дня я мог приотворяться, что справлюсь на упрямстве и ловкости. Сегодня эта ложь сдохла так же, как когда-то мой санитарный блок.

— О чем думаете? — спросила САРА.

— О месте.

— Как романтично.

— О рабочем месте, не надейся.

— Снова жестокость.

Я поднялся, медленно, потому что спина уже успела одеревенеть, и подошел к противоположной стенке. Там еще с момента аварии торчало складное сиденье техника, половина которого давно не раскладывалась, а вторая только мешала. Над ним висел мертвый шкафчик с бесполезной крышкой. Ниже шла ребристая панель, способная выдержать нормальную опору, если срезать лишнее и собрать каркас. Раньше я смотрел на этот угол как на неудобный кусок тесноты. Теперь увидел в нем единственное место, где базу еще можно научить не путаться у самой себя под ногами.

— САРА.

— Да.

— Завтра разбираем эту стенку.

Короткая пауза. Потом она ответила без насмешки.

— Подтверждаю. Идея запоздалая, но здравая.

— Не обольщайся. Сначала удержим воду до утра.

— Я и не обольщаюсь. Я просто фиксирую редкий миг, когда вы решили чинить не только беду, но и способ жить рядом с ней.

Формулировка вышла так себе. Неприятная и колкая. Значит, верная.

Я еще раз проверил режимы, затянул сбросной клапан, оставил у койки кружку, ключ и список циклов, потом погасил лишний свет. В полутьме челнок шумел сразу двумя новыми голосами. Один гнал мне воздух через чужой промышленный узел. Второй выдавливал из холодного ребра медленную воду, за которую теперь приходилось платить ваттами, вниманием и терпением.

Этого пока хватало.

Глава 6. Верстак из кошмара

Первой проснулась вода.

Капля ударила в стенку приемной емкости так звонко, будто в челноке еще остался свободный воздух для эха.

Я открыл глаза не сразу. Ночью я дважды вставал на продувку и один раз, кажется, уснул сидя у панели. Шея после такого сна стала деревянной. Плечо тянуло вниз. Под ребрами ныло тем тупым и злым способом, который не обещает беды, а просто напоминает, что вчерашняя работа никуда не делась.

Ногу я спустил осторожно и все равно задел ботинком пустую канистру. Она ткнулась в корпус фильтра, трубка водного круга дрогнула над полом, и я поймал ее уже на излете. Еще полсекунды, и вся ночная добыча ушла бы в решетку.

Челнок за последние двое суток раздулся изнутри. Справа громоздился промышленный фильтр. Слева тянулась линия воды к холодному ребру шлюза. Под ногами жили две емкости, на койке лежали снятые панели, на столешнице ютились тестер, ключ, щуп и остатки санитарного блока. Любая новая работа здесь начинала жрать соседнюю. Шаг вправо бил по воздуху, шаг влево по воде, поворот плеча по инструменту.

САРА заговорила, как только я сел.

— Доброе утро. Вы сегодня встали без аварии. Приятно видеть рост.

— Рано хвалишь.

— Я не хвалю. Я веду статистику.

Я сделал глоток и оглядел отсек так, будто видел его впервые. Воздух держался лучше. Вода больше не была вопросом из пустого пакета. Карта 9-Б висела на панели уже не как надежда, а как рабочая память. И именно поэтому теснота стала не фоном, а угрозой. Еще один живой узел, и эта коробка начнет убивать меня уже не нехваткой ресурса, а собственной неуклюжестью.

Я подошел к дальней стенке напротив фильтра. Там торчало складное сиденье техника, давно уже бесполезное, зато отлично годившееся на роль ловушки для бедра. Над ним висел мертвый шкафчик с крышкой, которая открывалась только наполовину. Ниже шла ребристая панель. Если снять лишнее, под ней останутся силовые ребра и жесткая опора. Если подхватить их каркасом, сюда можно посадить рабочую плоскость.

— САРА!

— Я уже боюсь.

— Сегодня разбираем этот угол.

— Запоздалая, но здравая мысль, — сказала она. — Я бы поддержала ее раньше, если бы вы не пытались превратить пол в универсальный производственный цех.

Разбирать пришлось вместе с последними остатками удобства в окружении. Я снял мягкую подкладку, и от голой панели сразу потянуло холодом. Потом выкрутил фиксаторы сиденья. Верхние поддались быстро. Нижние сидели так, будто боялись потерять работу сильнее меня. Пришлось лечь на бок между фильтром и стенкой, поджать плечо и тянуть без рывка. На третьем винте руку повело дрожью.

— Стоит остановиться, — произнесла САРА.

— Позже.

— Вы странно понимаете это слово. Обычно так называется момент после ошибки.

Сиденье рухнуло мне на колени неожиданно тяжело, но без последствий. Под обшивкой скрывалась нормальная силовая рамка. Я сорвал мягкую набивку, выкинул шарниры и оставил себе две направляющие и поперечную дугу. Шкафчик сопротивлялся хуже, но противнее. Внутри у него жили старые инструкции, растрескавшийся пластик и три пластиковых контей-

нера. Два оказались пустыми. В третьем нашлись контактная гребенка, мутная линза в защитной оправе идохлый сервисный модуль плазменной стерилизации. Корпус модуля раскололся, а вот сердцевина уцелела. Маленький магнетрон сидел в керамическом седле, почерневший по краю, но живой.

Я подержал модуль в ладони подольше.

— Не говори мне, что это мусор.

— Я не настолько жестока, — ответила САРА. — В штатном мире им выжигали органическую грязь из трудных мест. В вашем мире мы уже мысленно режем им металл.

Линзу я протер рукавом и почувствовал знакомое ощущение. Система еще молчала, но держалась в углу зрения плотнее. Она умела ждать, пока человек сам дойдет до полезной мысли.

Ребристую панель я снимал аккуратно. За ней шли жгуты старой проводки, часть мертвая, часть не до конца. Каждый живой кабель я помечал лентой, отводил в сторону и только потом убирал крепеж. Один раз чуть не сорвал локтем клапан ручного сброса на фильтре, и тогда до меня дошло окончательно. Верстак в этой коробке не роскошь и не попытка сделать себе красиво. Это единственный способ перестать жить в сборке, где каждый рабочий сантиметр конкурирует с соседним.

К полудню угол наконец оголился. Голый металл, силовое ребро, косой шов у пола и пустота там, где раньше висели сиденье и шкафчик. Выглядело хуже, чем раньше. Сесть теперь можно было только на ящик, спать только между железом, хранить вещи только там, где они не обещали немедленной катастрофы. Зато под этой уродливой дырой впервые появился шанс на порядок.

Не хватало длинной жесткой опоры.

Направляющие от сиденья годились на ноги. Поперечная дуга просилась в передний край. Рабочую плоскость я мог вырезать из боковой панели транспортной рамки, на которой притаскивал фильтр. Но нормальной длинной кости, которую можно посадить в основание и не ждать, пока стол пойдет ходуном под нагрузкой, у меня не было.

Я посмотрел на карту 9-Б.

В одном из тупиков я еще в прошлый выход видел целое сервисное ребро с демпферными сотами. Тогда не взял, потому что тащил фильтровый узел. Сейчас этот кусок металла наконец дорос до своей очереди.

— Не нравится мне ваше лицо, — сказала САРА.

— Прогуляюсь.

— Ваше определение прогулки годится только для самоубийственных цирковых трюков.

Скафандр я натягивал медленнее обычного. Надкусанный кожух датчика держался, но без лишней гордости. Плечо протестовало. Пальцы помнили утреннюю дрожь и требовали не изображать точность там, где ее нет. Я закрепил длинный цикл фильтра и воды, еще раз посмотрел на линию у шлюза и вышел в рукав с чувством, будто оставляю за спиной не базу, а большого, которого нельзя надолго оставлять одного.

9-Б встретил знакомой дрожью пустых отсеков. Только теперь я шел сюда уже не за абы чем. Я заранее видел, как ребро встанет в каркас и куда придется посадить демпфер, чтобы новый стол не раздолбал мне же фильтр или водную линию.

Ребро нашлось там, где я его и видел, под мертвой сервисной нишей. Сначала пришлось освободить кромку, потом отстучать крепеж ломиком, потом подрезать намертво прилипший полимер резак скафандра. Работа шла медленно и зло. Каждый лишний толчок отдавался в плечо. Один раз нога поехала на мелкой пыли, и только страховка уберегла меня от короткой, но очень унижительной встречи головой с пустотой под решеткой.

— Аккуратнее, — сказала САРА. — Если убьетесь на куске опоры для верстака, мне придется отчитать вас уже с профессиональной точки зрения.

Ребро вышло с глухим хрустом. Следом я вытащил два блока демпферных сот. Этого хватит. Больше мне не нужно. Верстак рождается не из максимального улова, а из того, что реально донесешь без глупостей.

Обратно я шел уже не на страхе, а на точности, где опереться, где дать массе пройти первой, где перехватить железо, чтобы не сорвать старый шов. САРА вмешивалась только тогда, когда нужно было сбить мне темп.

Шлюз принял меня своим сухим металлическим эхом. Я вернулся не с новой заплаткой и не с очередным предметом, который просто отложу в угол. Я принес кость будущей мастерской.

На полу быстро сложился рабочий круг. Рамка сиденья, сервисное ребро, демпферные соты, боковая панель, крепеж, магнетрон, линза, гребенка. Рядом лежал сверток с темной пластиной, тем самым побочным продуктом моей первой нештатной заплатки, который Система велела изолировать, а я так и не нашел в себе смелости выбросить.

Интерфейс пришел тихо, но плотно.

[Рабочая компоновка обнаружена]

[Жесткая опора неполна]

[Локальная функция базы формируется]

[Тип: ручной верстак]

— Слышишь? — спросил я.

— Вижу, — сказала САРА. — Мир официально признает, что вам мало просто не умереть. Теперь вам нужен угол, где вы будете портить железо профессионально.

Каркас я собирал с пола, потом поднимал по частям. Две направляющие ушли в передние ноги. Сервисное ребро легло в основание и село одной стороной в половый шов, другой в силовую стойку. Между ним и корпусом я посадил демпферные соты, чтобы рабочий удар не уходил прямо в старое железо челнока. Верхнюю плоскость пришлось выправлять молотком и подрезать по месту, потому что отсек, конечно, оказался кривее любой моей предварительной оценки. Когда я тянул нижний крепеж, лицо почти упиралось в фильтр. Когда примерял верхнюю панель, пришлось снимать кружку с водой и переносить ее на койку, потому что другого свободного пятна в отсеке уже не осталось.

Ближе к вечеру каркас уже стоял. Кривой, жесткий и уродливый. Передние ноги я посадил на поперечную дугу и добавил снизу косой упор из останков шкафчика. Задняя кромка легла в силовую стойку. Верхняя панель впервые приняла на себя мой вес, когда я навалился на нее обеими ладонями и дал нагрузку вбок.

Верстак ответил коротким низким стуком.

Не гулял. Не звенел. Держал.

Тогда Система пришла снова.

[Рабочий узел базы признан: Ручной верстак]

[Функции: грубая сборка, силовой разбор, подгонка]

[Доступен сопряженный рецепт: Нестабильный плазменный резак]

[Требуется x1]

[Магнетрон x1]

[Линза x1]

[Энергоячейка x1]

[Контактная гребенка x1]

[Корпус x1]

[Режим: импульсный]

[Превышение теплового цикла не рекомендовано]

— Нет, — сказала САРА сразу, как только выскочило сообщение.

— Мне нужен резак.

— Вам нужен сон.

— Сон не прорежет мне крепеж и не даст посадить нормальные гнезда под зажимы. Она помолчала и заговорила суше.

— Исправная ячейка у нас одна. Вторая с длинной трещиной. Магнетрон старый. Линза пережила удар. Корпус вы сейчас, подозреваю, соберете из того, за что выглядит постыдно даже по меркам Нулевой Зоны. Резак с таким комплектом будет работать в одном из двух режимов. Плохо или недолго.

— Первое лезвие бреет плохо, второе еще хуже, третье не бреет совсем.

Именно поэтому я потянулся не к целой ячейке, а к треснувшей. Верстак должен был родиться не как игрушка на хороших остатках, а как рабочий узел базы выживания.

Нужен был тепловой сброс. Такой, который выдержит хотя бы несколько коротких импульсов и не выплюнет раскаленную ячейку мне в ладонь. Вот тут я и посмотрел на сверток с темной пластиной.

— Нет, — снова сказала САРА уже другим голосом.

— Почему именно?

— Потому что вы сами завернули этот кусок шлака в изоляцию после первого осмотра и решили, что трогать неизвестное лишней раз вредно.

Пластина ощущалась в ладони тяжелее, чем положено при ее толщине. Темная, почти матовая, с тонким неправильным рисунком по краю. Система ее не классифицировала. Просто велела изолировать. Вчерашний я, убрал бы ее обратно. Сегодняшнему нужен был не послушный мир, а работающая сборка.

Интерфейс дрогнул на краю зрения.

[Предупреждение: Источник питания не соответствует допуску]

[Неизвестный компонент снижает прогнозируемость]

[Рекомендуется стандартная сборка]

Система предлагала правильный путь. И как всегда, неисполнимый для моей реальности.

Сборка отняла остаток сил и почти весь запас терпения. Магнетрон пришлось вырезать по керамике, не дав треснуть седлу. Гребенку я подтачивал напильником. Корпус рождался из ручки сиденья, половины кожуха тестера и двух стальных скоб. Автоматический отсекаТЕЛЬ я собирать не стал вовсе. Для него нужен был нормальный стабилизатор, а у меня имелись только жадность системы и старая проводка. Вместо этого я вывел ручной курок под большой палец и отдельный сброс на боковую пластину. Хотелось верить автоматике еще меньше, чем раньше. После последних событий такое желание уже было не проявлением характера, а статистикой.

Темную пластину я посадил снизу, между ячейкой и задней стенкой корпуса, через тонкую прокладку. Пусть работает тепловым карманом или хотя бы барьером. Если неизвестное железо однажды уже удержало шов, сейчас я готов был попробовать еще раз.

— Это третий, — сказала САРА тихо.

— Что именно?

— Третий раз, когда вы видите рекомендацию системы и решаете, что вам лучше знать, как поступить.

Она сказала правду и спорить я не стал.

Когда резак лег на верстак целиком, он выглядел как вещь, которую можно полюбить только от безвыходности. Короткий, угловатый, со швами разного цвета, с мутной линзой и проводом, который слишком честно показывал свое происхождение. Зато в руке сидел правильно. Вес чуть тянул вперед. Курок ложился под палец.

В жилой части я его включать не собирался. Рядом висели вода, воздух и весь остаток моей жизни. Поэтому в шлюзовой камере я снизил давление до технического минимума, натянул шлем, положил на пол обрезок панели и принес туда же один из зажимов, которые все равно нужно было вырезать по месту.

— Давление в норме, — сказала САРА. — Фильтр в тихом режиме. Водный круг на паузе шесть минут. Дальше нельзя.

Первый импульс вышел коротким. Внутри корпуса дернулось сухое жужжание, линза засветилась мутным белым, и тонкая нить ударила в панель так резко, что я едва не шарахнулся сам. На металле осталась короткая черная царапина. Края у нее оплавилась ровно.

Резак не рванул.

— Поздравляю, — сказала САРА. — Вы собрали предмет, который не убил вас при включении!

Тепло ушло в корпус быстрее, чем я рассчитывал. Темная пластина внутри сидела не просто так. Она забирала жар без привычной истерики металла.

Второй импульс я дал длиннее. Потом еще один. На третьем резак капризничал уже всерьез. Звук пошел выше, корпус нагрелся быстрее, линза замутилась по краю, и тогда интерфейс вспыхнул предупреждением.

[Тепловой цикл превышен]

[Рекомендуется остановка]

[Вероятность отказа растет]

— Отключайте, — сказала САРА.

Я и сам увидел беду. Не резак перегревался сам по себе. Передний зажим сидел толще, чем я заложил. Если остановить работу сейчас, потом придется снова тратить давление, время и воду на отдельный цикл. А если дожать еще один импульс, деталь встанет прямо сегодня.

Система предлагала правильную паузу. Реальность предлагала длинный хвост возни.

Я перевел хват, прижал корпус к обрезку панели через толстую перчатку, чтобы дать лишний контакт на теплоотвод, и коротким движением нажал курок снова.

Резак взвыл так, будто обиделся лично. Белая нить дуги стала тоньше и агрессивнее. Через секунду жар прошил перчатку в основание большого пальца. Я отбросил бы инструмент сам, если бы в тот момент не увидел, как шов идет чище, чем раньше.

Не шире. Не грязнее. Именно чище.

Темная пластина внутри корпуса впитывала лишний жар и не давала ячейке сойти с ума. Дугу вело на пределе, зато она резала, как нужно.

— Рик, отключай! — САРА впервые сорвалась на приказ.

Я довел рез до конца, ударил сброс и только потом позволил себе выдохнуть.

На металле лежал идеальный паз.

Интерфейс дрогнул, будто ждал именно этого.

[Нестандартная сборка подтверждена]

[Рецепт «Нестабильный плазменный резак» закреплен]

[Отклонение от рекомендуемого режима дало улучшенный результат]

[Скрытая награда «Презрение к инструкции» подтверждена]

Я стоял в техническом полумраке шлюза и смотрел на слова Системы так, будто мне только что вынесли психиатрический диагноз.

— Поздравляю, — прокомментировала САРА. — Система официально признала, что вас невозможно перевоспитать.

Ладонь жгло уже без всякой иронии. Я снял перчатку и увидел красное пятно у основания большого пальца. Не катастрофа. Нормальная цена за спор с теплом. Пахло горячим металлом и тем сухим электрическим следом, который остается после удачной опасности.

После паузы следующий заход я провел умнее. Не гнал дугу, а вел ее короткими импульсами. За несколько коротких заходов я вырезал четыре зажима, две боковые планки и длинный паз под передний упор. После этого верстак перестал быть просто столом на честном слове.

Собирать их обратно на место было почти удовольствием, если так можно назвать работу человека, который сотый раз за день меняет положение плеча, чтобы не выронить ключ от боли.

Нижние зажимы сели на силовое ребро. Передняя дуга встала намертво. Потом я поставил на новый стол тиски из двух старых прижимных губок, которые давно валялись без дела в сервисном ящике и ждали своей очереди.

Каркас принял удар молотка глухо и спокойно.

Потом второй.

Потом мой вес, когда я навалился на край и дал нагрузку вбок.

Он даже не ответил стуком. Просто стоял.

Вот тут и пришло настоящее чувство. Не восторг. Не облегчение.

Тот особый вид злого удовлетворения, который бывает у инженера, когда железо наконец перестает спорить по пустякам и соглашается работать как задумывалось.

Проверять новую конструкцию я начал сразу. Первым делом вырезал длинную планку под линию воды и увел трубку от прохода. Потом собрал нормальную подвеску для приемной емкости, чтобы больше не держать ее на крышке ящика. После этого снял с пола часть инструмента и посадил на стенку узкую рейку из остатков шкафчика. Ключ, тестер и шуп впервые легли не на первое свободное место, а туда, где им и положено.

Фильтр перестал быть лежачим зверем у правой стенки. Я вырезал под него опорную скобу и поднял корпус на полладони от пола, чтобы можно было нормально подлезать снизу и не душить себя каждой проверкой хомута. Водный круг больше не зависел от милости проходящего локтя. Даже канистра с промывкой получила свое гнездо под столом и наконец перестала быть предметом, который ногой находишь раньше, чем взглядом.

Грязи вокруг меньше не сделалось. Наоборот. Пол был усеян стружкой, обрезками, изоляцией и следами моих сегодняшних решений. Плечо ныло так, будто я весь день таскал не стол, а кусок переборки. На ладони распухал ожог. Но впервые с момента пробуждения в Нулевой Зоне я увидел в этой коробке не только место, где еще можно продлить жизнь, а место, где можно собирать следующую.

Система подтвердила это без лишних украшений.

[Локальная функция базы расширена]

[Переработка признана]

[Рабочее пространство повышает эффективность сборки]

[Уровень повышен: 3]

— За что именно, как думаешь? — спросил я.

— За редкий талант сделать себе хуже прямо сейчас, чтобы потом стало лучше базе, — ответила САРА. — Вы не просто починили узел. Вы изменили ее функцию. Воздух и вода держат вас живым. Верстак позволит заставлять хлам работать по новой логике. Для Системы это уже не быт. Это производство.

Производство в моей нынешней коробке звучало почти как насмешка. И все же САРА не ошибалась. Важен был не объем, а сам переход. Найденные детали впервые не легли мертвым запасом в угол, а вышли из рук чем-то новым.

Я оглядел отсек целиком. Справа гудел фильтр уже на новой подвеске. Слева капала вода, но теперь ее линия шла по стенке. Под верстаком стояли канистры. На стене висел инструмент. На столешнице лежали ключ, тестер, резак и темная пластина.

— Не начинайте, — сказала САРА.

— Я и не начал.

— Начали уже тем, что смотрите на неизвестный кусок металла, как на полезного знакомого!

Она была права и тут. Полезная вещь в Нулевой Зоне слишком легко прикидывается безопасной. Я завернул пластину обратно в изоляцию и положил в нишу над верстаком, отдельно от обычного железа.

Самое неприятное в хорошей мысли то, что она сразу требует следующей. Как только в отсеке появился верстак, хлам перестал быть просто запасом бедняка. Он стал сырьем, у которого появилось место, где его можно ломать по уму. От этого открытия мне стало одновременно легче и тревожнее. База выросла, а значит, вырастет и цена ошибки. Каждый новый рабочий узел прибавляет не только удобства, но и шум, жар, заметность.

— О чем молчите? — спросила САРА.

— Думаю, сколько теперь всего можно сделать.

— Это хороший вопрос или плохой?

— Оба сразу.

— Тогда вы наконец звучите как человек с мастерской и возможностью выбора.

Свет я гасил уже почти никакой. Перед этим еще раз проверил воду, фильтр, крепежи, температуру резака и новый расклад инструмента. Ладонь пришлось замотать, а плечо требовало покоя. Зато в отсеке появился проход, пусть и узкий, но настоящий. От койки к шлюзу можно было пройти, не задев жизненно важный узел бедром.

Я лег и посмотрел на новый угол через полумрак. Верстак торчал у стены как грубый зуб, выросший не там, где положено, а там, где пришлось. На столешнице темнел резак. Под ней стояли канистры. Выше висели ключ и щуп.

Челнок все еще был тесной, дрожащей, бедной коробкой. Но в этой коробке впервые появилось сердце, которое не только латало пробоины, а готовилось делать что-то дальше.

Глава 7. Скрап-крысы

Свет над верстаком моргнул мне в лицо через несколько часов после того, как я сам его погасил.

Я не сразу понял, что меня разбудило. Не звук. Короткая пустота в привычном гуле. Фильтр на миг провалился тоном ниже, водяная трубка дрогнула, потом все вернулось на место, будто база только что попробовала не дышать и передумала.

Шея отозвалась первой, когда я сел. Потом ладонь, вчерашний ожог под повязкой. Под ребрами ныло ровно и тупо. После дня у верстака тело не спорило. Оно просто напоминало выставленном счете.

— Фиксирую три просадки по нижнему контуру за сто сорок секунд, — сказала САРА. — Поздравляю. Ваша ночная жизнь снова стала технически насыщенной.

— Ложное срабатывание?

— Очень хотелось бы соврать. Но нет.

Я спустил ноги на пол, поймал кружку, которую сам же вчера поставил слишком близко к краю, и открыл журнал питания. Новая сборка базы вообще не любила, когда ее прерывали посреди цикла. Верхняя линия держалась. Фильтр тянул ровно. Водный круг тоже. А вот короткие провалы шли по малому распределению у пола, там, где я вчера увел воду от прохода, поднял фильтр на скобу и впервые заставил этот отсек выглядеть не как мешок поломок, а как рабочее место.

Слишком слабые, чтобы сжечь предохранитель. Слишком частые, чтобы списать на старое железо.

Сон после такого кончается без права на продолжение. Я взял фонарь и полез под верстак. Металл под ладонью еще хранил остатки вчерашнего тепла. В нижнем пучке кабелей сразу нашлась первая гадость. Изоляция на одном силовом проводе была сбрита узкой полосой, будто кто-то прошелся вдоль нее тупым ножом, но не дорезал. Рядом лежала мелкая крошка серого пластика.

Я выпрямился медленно, чтобы не садануться затылком о столешницу.

— Вибрация?

— Непохоже, — ответила САРА. — След слишком локальный. И у вибрации, как ни странно, редко бывают маленькие зубы.

— Зубы?

— Посмотрите правее.

Правее, у крепежа водяной линии, было то же самое. Две короткие борозды на трубной оплетке. Еще одна на теплоизоляции фильтра. Не пробито. Но кто-то пытался. У самого пола, где скапливалась пыль от старого пластика и железной крошки, лежали два черных комка размером с винт. Слишком плотные для мусора, слишком правильные.

Сонливость ушла окончательно. Ее место заняла очень ясность. Снаружи у меня уже водилась мелкая биомеханическая живность, которая била по датчикам и кабелю скафандра. Внутри челнока такого права я ей не давал. Значит, право она взяла сама.

Я присел у фильтра, открыл нижнюю сервисную крышку и посветил внутрь. За корпусом, там, где шли теплые жгуты и обратка, чернела слишком плотная тень. Она не шевелилась.

— Термокартина? — спросил я.

— Несколько малых пятен, — сказала САРА. — Быстрые. Прячутся у теплых узлов. Вчера их не было.

— Или мы их просто не заметили.

— Ваш оптимизм снова сияет, будто звезда.

Я сдвинул фонарь ниже. На внутреннем ребре, прямо под новым крепежом фильтра, серебрился тонкий след от многократных контактов.

Вторая просадка случилась прямо на моих глазах. Фильтр дернулся и тень за корпусом сразу ожила.

Из щели под задним ребром выскочила тварь размером с ладонь и пошла в сорону кабеля.

Форма с первого взгляда так и не определишь. Слишком много в ней было не от живого. Узкий корпус из темных пластин, суставчатые лапы, хвост как голый провод, морда клином. По бокам торчали длинные усики из тонкой металлической нити. Один такой ус чиркнул по оплетке, и тварь будто поняла, где именно у моей базы вкусное место.

— Влево! — бросила САРА.

Я уже и сам сдвинулся, потому что из той же щели полезла вторая.

Служебная крышка от фильтра оказалась в руке раньше мысли. Я ударил ей по первой твари, сбил с кабеля, прижал к полу, но не дождал. Пластинчатая тварь вывернулась так, будто у нее не было правильного верха и низа, метнулась под верстак, а вторая уже висела на нижней оплетке водяной линии.

Отвертка лежала на столе. Слишком далеко. Под ногой был только сапог, сбоку корпус фильтра, вокруг ничего, все на местах, которые за последнее время разрослись в сеть труб, крепежа и проводки.

Я врезал ботинком по опоре. Тварь слетела с трубки, но не упала. Просто повисла на одной лапе и тут же полезла обратно. Усики у нее мелко дрожали, будто слушали ток.

— Еще две по нижнему каналу, — сказала САРА. — Идут к нагревателю насоса.

— Вижу.

— Нет, не видите. Пока вы только очень убедительно злитесь.

Первая снова прыгнула на кабель. Я поймал ее уже не крышкой, а ладонью в перчатке, стиснул корпус до хруста и тут же выронил, когда мне в бинтованный ожог врезался сухой колючий разряд. Будто сама тварь умела кусать электричеством.

Пока я ругался себе под нос без пользы, третья пролезла к насосу. Четвертая шла по стенке у самой новой рейки с инструментом. Маленькая гадина ткнулась усом в подвес ключа, ключ сорвался, звякнул о пол.

Тут у меня кончились красивые эпитеты. Я ухватил ближайший ключ, поддел им нижний жгут, выдернул из крепежа резервную линию подогрева и содрал изоляционную муфту о край каркаса. Искра куснула пальцы. Хват сразу стал крепче.

— Рик, — сказала САРА уже без яда, — если сорвете общий минус, останемся и без воды, и без ума.

— Значит, не сорву.

Я швырнул оголенный конец в стальную скобу под насосом, по которой сейчас бежала тварь. Дуга ударила белым шипением. Воздух в отсеке сразу стал сухим и злым. Тварь выгнуло, прижало к металлу, лапы забились вхолостую, потом она упала на пол и задергалась уже без всякого смысла.

Остальные поняли быстрее меня.

Одна метнулась обратно за фильтр. Вторая сорвалась с кабеля и рванула к щели у пола. Но третью я уже ждал. Она шла по нижнему упору верстака, ровно там, где вчера впервые появилась настоящая рабочая поверхность верстака. Я опустил сервисную крышку ребром, как гильотину, и прижал ее к полу всем весом. Под жестью что-то сухо треснуло, забилося и затихло.

Четвертая успела вцепиться в свисающий щуп тестера и сшибить кружку. Вода разлилась по настилу как раз туда, где у меня в руке оставался оголенный провод. Я шагнул в сторону раньше, чем ток нашел бы путь через нее ко мне, прижал щуп ногой вместе с тварью и добил ключом уже почти вслепую.

Секунду я стоял согнувшись, с крышкой в руках, с ключом у бедра и с оголенным проводом, который уже начал греть пальцы через перчатку.

Только потом догадался разжать хват.

Фильтр гудел неровно. Водяная линия держалась. Под верстаком валялась одна обугленная тварь, одна придавленная, еще целая, и еще одна, перебитая у тестера. Из нижней щели несло шорохом, но ближе никто не лез.

— Потери? — спросил я.

— Один жгут придется менять. Теплоизоляция насоса порвана. Расход воды ушел выше нормы на восемь процентов. Ваш пульс снова зашкаливает.

— Ничего нового.

Я поднял крышку. Тварь под ней слабо дернулась. Хватило одного удара ключом.

Тогда и пришло окно.

[Объект распознан: Скрап-крыса]

[Серый]

[Мелкий биомеханический падальщик. Тянется к теплу, кабелю, питанию и слабым швам. Фрагмент локальной пищевой цепи Нулевой Зоны]

Я прочитал строчки и почувствовал тот особый холод, который не имеет отношения к температуре. Пока тварь шебуршилась в углах, ее можно было считать локальной неприятностью. Система сделала хуже. Она дала мне имя и место этой мерзости. Не случайный мусор, не сбойный зверек из щели, а нормальная местная жизнь. Такую здесь уже признали. Уже вписали. Уже встроили в общую логику сектора.

— Пищевая цепь, — сказал я. — Чудесно.

— Вы теперь официально живете в районе, где база пахнет едой, — ответила САРА. — Поздравления от местной экологии.

Сначала пришлось чинить фильтр. Хотел я этого или нет, а любая новая мысль теперь шла после воды, воздуха и питания. Я снял порванную теплоизоляцию, подмотал линию временной лентой, заменил короткий кусок жгута на запасной и дважды прозвонил низкий контур, прежде чем поверил цифрам. Руки слушались хуже, чем хотелось. После короткого боя пальцы снова начали мелко дрожать.

За нижней щелью временами шуршало. Не близко. Выжидающе.

— Они вернуться, — сказала САРА.

— Знаю.

— Вы поразительно крепко дружите с дурными новостями.

Когда базовые линии снова встали в режим, я снял нижнюю панель у пола целиком и полез глубже. За фильтром шла узкая сервисная полость, забитая старой пылью, обрывками теплоизоляции и грязной крошкой от кабеля. В одном месте кто-то уже выел в мягком уплотнителе ход от внешнего шва к теплому узлу. На изгибе лежали сгрызенные куски оплетки, металлическая стружка и те самые черные комки. Рабочая трасса местного падальщика. Вчерашняя подвеска фильтра дорисовала ей удобный указатель.

— Успокою вас одной мерзкой мыслью, — сказала САРА. — Если бы вы не подняли фильтр, они бы все равно пришли. Чуть позже и через другое место.

— Спасибо. Сразу легче стало.

— Я и не целилась в облегчение. Только в точность.

Я сгреб целую тварь на поддон и положил на верстак. Обугленную можно было списывать. Перебитую у тестера тоже. Целая была важнее. Если база уже стала чьим-то кормом, мне нужен был не только ремонт, но и понять устройство рта, который к ней тянется.

Нож резал, но с необычным ощущением. Слишком ровно для живого, слишком вязко для железа. Под наружным панцирем лежали серые волокна, гибкие жгуты и узкие каналы с темной полужидкой кашей, похожей на нанитный шлак, только жиже. Челюсти оказались

керамическими, с проводящим напылением по внутренней кромке. Усики входили глубоко в черепной узел и сходились к ферритовому зерну размером с ноготь. Датчик, который слышал не свет и не движение, а тепло и ток.

Вот почему она не шла на меня. Зачем ей я, если для нее весь смысл человека здесь в создании проводки, клапанов, насосов и слабых мест.

— Мерзкая инженерия, — сказал я.

— Не уверена, что слово «инженерия» тут оскорбление, — отозвалась САРА.

Я вскрыл брюшной мешок и нашел еще одну полезную вещь. Под хвостовым жгутом сидели две маленькие емкости, похожие на конденсаторы, а на боковых лапах прятались микрокрючья из темного сплава. Не для драки. Для кабеля. Чтобы цепляться и жрать линию по миллиметру, пока никто не заметил.

— Значит, кусаются не зубами, — пробормотал я. — Сначала слушают линию, потом прихватывают, потом дают импульс, если им мешают.

— Идеальный сосед для человека, который наконец-то обзавелся базой.

Работа на верстаке быстро вытеснила остаток боя. Я снял целую пару челюстей, вытащил ферритовый узел, сохранил один усиковый пучок, обе хвостовые емкости и две лапные скобы. На четвертой детали интерфейс снова дрогнул.

[Навык «Тактическая разборка» улучшен]

[Шанс извлечения целых узлов повышен]

Короткое окно, емкое и по делу. В прошлый раз навык признали, когда я тащил тяжелый фильтровый узел и впервые начал смотреть на хлам как на запас. Теперь он вырос на живой твари, которая смотрела на мою базу точно так же.

— Очень изящно, — сказал я. — Мир научил меня разбирать того, кто пришел разбирать мою базу.

— У Системы тонкое чувство симметрии, — ответила САРА. — Жаль, что с эмпатией у нее хуже.

Под усиком тянулся тонкий оплавленный след. Тварь не просто чуяла ток. Она искала места, где ток проходит по слабой защите, где тепло сбивается в узел и где человек оставил слишком удобную дорожку.

Интерфейс пришел почти без паузы, будто ждал, когда я сам дойду до вывода.

[Доступен рецепт: Электрошоковая сетка]

[Требуется:]

[Проводящий кабель x1]

[Изоляторы x3]

[Энергоячейка x1]

[Монтажная рама x1]

[Назначение x1]

[Удержание биомеханических падальщиков и легких дронов]

[Цена: Постоянный расход питания, Рост заметности базы]

Вот и оно. Честная сделка. Хочешь, чтобы база кусалась сама, плати ваттами и правом остаться незаметным.

Я перечитал окно дважды. Мне только что вежливо объяснили, что жизнь на следующей ступени устроена так. Либо у тебя есть зубы, либо местная пищевая цепь грызет зубами твои кабели.

— Полноценную сетку сейчас не соберете, — сказала САРА, пока я молчал. — Монтажной рамы нет. Свободной ячейки тоже. И если вы сейчас выдернете питание из резака, я официально начну считать это романом с саморазрушением.

— Полноценную не соберу, — согласился я. — Но мне не нужна полноценная.

Мне нужен была заглушка. Грязная, временная, точечная. Такая, чтобы теплые узлы перестали быть бесплатным буфетом хотя бы на ближайшую ночь. Под такое у меня уже кое-что лежало на столе.

Проводящий кабель был. Изоляторы я снял с мертвого сервисного блока стерилизации. Вместо отдельной ячейки годился короткий импульс от нижнего контура, если не держать линию под током постоянно. Монтажной рамы не было, зато под верстаком хватало жестких точек, куда можно посадить петлю. Чтобы ее протянуть, пришлось снять две аккуратные подвески, которые я сам поставил вчера вечером.

— Нравится мне ваш путь, — сказала САРА. — Только вчера превратили коробку в мастерскую, а сегодня уже учитесь, какие части мастерской придется резать ради обороны.

— Сэкономь сарказм. Он тебе еще пригодится.

— Берегу. Только факты.

Сначала я собрал из трех керамических втулок маленькие развязки. Потом протянул огрызок проводящего кабеля вдоль нижней кромки фильтра и вторую петлю вокруг насоса водяного круга, но не вплотную, а так, чтобы до живой трубки оставался честный зазор. Узел управления вывел на верстак. Не кнопку, а грубый ножевой рубильник из старой сервисной скобы. Если понадобится, я должен был видеть, замкнута линия или нет. Автоматике тут делать было нечего.

САРА наблюдала молча, пока я не начал снимать питание с резервного подогрева.

— Прежде чем вы это сделаете, — сказала она, — напоминаю, что вода и так держится на честном слове.

— Я не забираю все. Только пиковый хвост.

— Да. Именно так обычно и звучат фразы, после которых база начинает мстить человеку по мелочам.

Она не ошибалась. Каждый новый кусок защиты отнимал что-то у комфорта, а в моем случае у самой жизни. Я снизил подогрев на один шаг, перевел фильтр в более редкий цикл продувки и почувствовал, как отсек стал холоднее даже раньше, чем датчики подтвердили цифру. В нормальном месте такую температуру никто бы не заметил. Здесь заметно было все, что мешает телу расслабиться хотя бы на полчаса.

— Расход удержу, — сказала САРА после паузы. — Но если вы захотите еще и поспать, придется выбирать, что важнее, тепло или зубы.

— Интересный выбор.

— Я для этого и существую. Чтобы вовремя превращать в свободу выбора скучную бухгалтерию.

Временный отбой получился уродливым, но прочным. Две низкие петли у самых уязвимых мест, ручное замыкание, короткий импульс, никакой красивой автоматизации.

Проверять на себе я не собирался. Поэтому выжидал.

Шуршание пришло быстрее, чем хотелось. За корпусом фильтра что-то мелко царапнуло металл, потом еще раз, осторожнее.

Одна. Разведка или просто самая голодная тварь.

Я выключил верхний свет и оставил только лампу над верстаком. Отсек сразу распался на светлые и темные куски. Сквозь тонкую щель под фильтром мелькнул усик. Потом узкая морда. Потом вся тварь вытянулась к петле так уверенно, будто уже бывала здесь раньше. На полпути она замерла, ткнулась чувствительным усом в воздух и на секунду застыла. Даже этой твари не нравилась моя новая линия обороны. Голод победил осторожность.

— Сейчас, — шепнула САРА.

— Вижу.

Тварь прошла еще полкорпуса и потянулась к месту, где я вчера особенно аккуратно увел кабель. Я опустил рубильник.

Щелчок вышел тихий. Зато дуга под фильтром ответила так, будто у железа неожиданно прорезалось аторое дыхание. Скрап-крысу ударило в бок, отбросило, развернуло на месте и швырнуло обратно в щель. Шорох за панелью сразу стал паническим, потом ушел глубже. Следомкто-то еще, невидимый мне, сорвался в том же канале и с металлическим царапаньем отступил.

Я поднял рубильник и несколько секунд слушал, как в ушах бьется кровь.

— Работает, — сказала САРА.

— Видел.

— Поздравляю. Вы собрали первые зубы для места, которое вчера еще считали просто мастерской.

Плата за зубы пришла мгновенно. Просадка по контуру стала заметнее. Тепловой узор у фильтра и водяного насоса вырос на схеме яркой кляксой. Даже короткий импульс оставил после себя хвост нагрева и грязный электромагнитный плевок, который, если верить датчикам, можно было услышать дальше, чем мне бы понравилось.

Я включил наружный сервисный экран и вывел грубую карту корпуса. Два теплых узла светились сильнее прежнего. Там, где я хотел поставить границу, среда получала метку.

[Рост заметности базы]

Раньше база просто выживала. Теперь она защищалась. А все, что в Нулевой Зоне защищается, становится более заметным.

— Насколько плохо? — спросил я.

— Для одной ночи терпимо, — ответила САРА. — Для привычки жить так постоянно, уже не очень. Вы же не просто греете узлы. Вы рисуете их наружу жирным маркером.

Я сел на край койки и только тогда понял, насколько устал. Бой длился минуты. Разборка, ремонт и сборка отбоя сожрали остальную ночь. Ладонь снова ныла под повязкой, теперь уже в компании свежих ожогов на пальцах. Мелкая моторика упрямо пыталась уйти в сторону, стоило мне только расслабить кисть. Под глазами давило так, будто кто-то изнутри протер их металлической стружкой.

Я посмотрел под верстак. Низкая петля кабеля темнела у корпуса фильтра почти незаметно. Если не знать, не увидишь. Но я уже знал, как на нее смотрит местная нечисть. Не как на ловушку. Как на границу.

— Ненавижу это, — сказал я.

— Тогда новости у меня стабильные. Дальше будет хуже.

Убирать пришлось и труп, и следы сборки. Целую тварь я сложил в гермопакет и убрал в холодный отсек под столом. Усиковый пучок и ферритовый узел завернул отдельно. Пара челюстей легла рядом с резакком.

Потом я закрыл нижнюю щель временной накладкой и оставил у пола полоску тонкой сажи. Дешевый прием, зато утром будет видно, лезли они снова или нет.

Снаружи, за старым швом и пустыми ребрами, тянулась та же мертвая конструкция. Только теперь я знал о ней чуть больше неприятного. Она дорастивала на своем железе мелкие голодные формы, которые учились находить живое по теплу и питанию.

— Успокою еще одной гадостью, — сказала САРА, когда я уже лег, не раздеваясь. — Если временный отбой сработает как следует, они начнут искать обход.

— Спасибо. Самое то перед сном.

— Я стараюсь поддерживать у вас реалистичное настроение.

Верстак молчал. Фильтр тянул воздух чуть тише обычного. Вода шла медленнее. Отсек стал холоднее на несколько градусов и чуть защищеннее.

Я закрыл глаза, но сон не шел. Перед внутренним взглядом все еще вспыхивал график с жирным тепловым узлом и строкой про рост заметности. Выходит, каждый новый удобный шаг придется теперь считать дважды. Сначала как помощь себе. Потом как метку для всего вокруг.

Ненавижу такие расклады.

Глава 8. Тепловой след

Утром сажа у нижней щели легла мелким рваным полукругом, будто кто-то ночью подходил, нюхал новую границу и решил не спорить с ней лишний раз.

Я сидел на корточках у фильтра, светил под панель и смотрел на этот след дольше, чем требовалось. Ни одного прорыва. Ни одной новой просадки. Временная ловушка у теплых узлов пережила ночь. Полагалось бы выдохнуть, но вместо облегчения под ребрами держалась тупая, очень острая тревога. Скrap-крысы не пролезли. Зато каждый пуск дуги, каждый короткий удар по петле, каждый разогретый кусок кабеля оставил на журнале питания такой честный шрам, что даже стыдно было делать вид, будто я вчера собрал защиту бесплатно.

— Потери не нравятся? — спросила САРА.

— Любую цену люблю, только если ее не нужно выплачивать.

— Удобный принцип. Жаль, что Нулевая Зона им не пользуется.

Она вывела мне на сервисный экран хвост ночного лога. Нижний контур держался. Вода текла. Фильтр тянул воздух с редкими просадками. Зато рядом с каждой активацией ловушки торчал грязный тепловой всплеск. Вчера ночью мне было не до красоты графиков. Сейчас стало.

Беда в том, что база уже научилась жить с определенным ритмом. Помпа водяного круга отзывалась через равные интервалы. Фильтр надувался и сбрасывал обороты по знакомой схеме. Даже верстак, если работать на нем подолгу, прогревал правую стенку именно там, где раньше челнок оставался мертвым и ровным. Я слишком хорошо устроил себе жизнь внутри этой коробки. Тепловые узлы сложились в понятный рисунок, будто я сам ночью взял маркер и обвел для всей местной нечисти, где у меня сердце, где горло и куда надо кусать.

[Локальный профиль базы]

[Читаемость повышена]

[Факторы: Тепло, Ритм, Повторяемость]

Окно погасло быстро, без лишнего сочувствия. Оно не пугало меня новым знанием. Оно только назвало вслух то, что я уже и сам видел в цифрах. Система опять влезла не с чудом и не с подарком, а с сухой констатацией.

— Читаемость, — сказал я. — Какая вежливая манера назвать меня приманкой.

— Вас утешит, если я предложу термин «локальный маяк для всего голодного»?

— Нет.

— Тогда останемся при официальном определении.

Одних внутренних датчиков мне уже не хватало. Я видел графики, но не верил им до конца. График всегда чуть врет человеку в пользу спокойствия. А мне нужен был вид снаружи, взгляд со стороны. Пришлось влезать в скафандр.

После прошлых выходов он сидел на теле не как защита, а как повод к излишнему риску. Поврежденный узел на боку я поджал ремнем. Заплату на левом рукаве проверил дважды. Воротник все еще плохо реагировал на плотное закрытие, и шея тут же вспомнила, сколько раз за последние дни я крутил ею через боль. Под повязкой на ладони потянул ожог.

Хорошее утро. Нормальное для человека, который решил выйти в пустоту только затем, чтобы убедиться, насколько заметно его собственное убежище.

Шлюз отдал мне наружу тот же старый холод, от которого не спасает никакая привычка. Внутри челнока еще можно было спорить с температурой ваттами, тканью и злостью. Снаружи спор быстро заканчивался. Там мир всегда говорил первым.

Я ушел недалеко, только на спину челнока, к старому сервисному ребру, откуда лучше просматривался борт с вентиляцией и швами. Под магнитными подошвами скрипела пыль из ледяной крошки и металлической муки. Вокруг тянулось кладбище остовов, темное, глухое, с

редкими немymi отблесками на дальних кромках. Обычный мертвый сектор. Свалка. Место, где ничего живого не должно выделяться. И именно поэтому моя коробка смотрелась хуже, чем хотелось.

На обычном зрении челнок оставался почти таким же, как вчера, бедной стальной костью среди другого железного мусора. Я переключил визор на грубую тепловую карту и выругался уже вслух. Через старый кожух пробивались два ярких пятна. Фильтр. Насос. Чуть выше шла более тонкая жила вдоль правого борта, там, где я поднял верстак и начал работать плотнее. Когда отбой ночью замыкался, вокруг нижнего шва даже остался тусклый обод недавнего нагрева. Маленький. Не катастрофа. Но в этой мертвой черноте даже маленького хватало.

Еще хуже были не сами пятна, а дыхание между ними. Фильтр сбрасывал избыточное тепло через почти равные промежутки, и на карте это выглядело как тихое сердцебиение. Помпа воды отвечала своим толчком. Сервисная лампа над верстаком, если ее не гасить, рисовала третий привычный узел. Я вдруг увидел базу не как место, где я выживаю, а как повадку. Как набор повторяющихся движений, который можно выучить снаружи.

— Нравится картина? — спросила САРА в ухе.

— Не очень. Но я тебя понял.

— Поздравляю. Вы собрали себе не только мастерскую, но и вывеску «Посторонним в».

Она выразилась лучше, чем мне бы хотелось. Вывеской тут все и было. Не человек. Не голос. Не уют. Только устойчивое теплое поведение в зоне, которая привыкла жрать все устойчивое.

Я поставил ладонь на внешний лист, прямо рядом с узлом вентиляции, и тогда впервые ощутил что-то странное. Не звук. До звука дело не дотягивало. Скорее короткий неправильный толчок в кости пальцев, будто старая обшивка на миг отдала мне чужой вопрос и сразу забрала обратно. Я замер, удерживая ладонь на металле.

Пустота вокруг осталась пустотой. Дальний мусорный шум не менялся. На приборной ленте ничего нового не вспыхнуло.

— САРА, у тебя был лишний отклик по внешнему листу?

— Уточните вопрос.

— Будто что-то прошло по старой линии. Очень слабо. Слишком глухо.

Пауза вышла короткой, но неприятной.

— Уверенного подтверждения нет, — сказала она. — Могу предложить три скучные версии. Усталость, фоновая вибрация старого крепежа или ваше растущее религиозное чувство к металлу.

— Давай без религии.

— Тогда пока считаем это помехами.

Помехами оно не ощущалось. И вот это мне понравилось меньше всего.

Я вернулся внутрь с решением, которое уже не хотелось откладывать. Если база стала читаемой не только по теплу, но и по ритму, значит, чинить дальше в прежнем режиме было так же умно, как махать фонарем из щели и надеяться, что тебя примут за солнечный зайчик. Пришлось резать не железо, а собственный комфорт.

Первой ушла верхняя лампа над верстаком. Без нее отсек сразу сжался и стал мрачнее. Теплый угол, который вчера казался началом настоящей мастерской, снова стал просто темным местом с рабочей поверхностью. Потом я перевел фильтр на более редкий цикл продувки. Воздух не испортился сразу, но гул базы сменился, стал тише. Вода пошла медленнее, когда я опустил подогрев на шаг и сдвинул график помпы. Даже временный отбой пришлось пересобрать так, чтобы он висел не на постоянной готовности, а на ручном пуске и коротких окнах. Защищаться постоянно я теперь не мог. Слишком дорого обходилось само право быть зубастым.

— Я начинаю понимать, почему люди любят большие корабли, — сказал я, когда снимал с рейки еще одну удобную подвеску, чтобы разорвать знакомый тепловой рисунок у стены. — Там можно прятать ошибки за объемом.

— На больших кораблях ошибки просто дольше идут к человеку, — ответила САРА. — А потом убивают мгновенно и неотвратимо.

— Спасибо. Сразу стало уютнее.

— Я работаю с тем материалом, который вы мне даете.

Самое противное в тихом режиме то, что он не делает тебя невидимым сразу. Он делает тебя несчастным прямо сейчас и обещает, что, может быть, это окупится позже. Руки замерзли раньше, чем датчики подтвердили спад на пару градусов. Ладонь под повязкой заныла сильнее. Уставшее тело быстро напомнило, когда у него украли даже ту малую кроху комфорта, на которую оно рассчитывало.

Зато вместе с холодом пришла ясность. Я увидел, сколько у меня внутри привычек, которых раньше вообще не замечал. Включить лампу, когда работаешь у стола. Гонять фильтр ровно, чтобы не слушать его рывки. Держать воду в более щедром режиме, если надо промыть инструмент, ладонь или просто собственную голову. Оставлять отбой на полуготовности, потому что так спокойнее спать. Все это не являлось жизненно необходимым. Только удобством. А удобство в Нулевой Зоне, похоже, ценилось не только людьми.

К середине цикла база начала звучать так, будто я испортил ей настроение. Фильтр тянул реже и ниже. Помпа отзывалась не по привычному ритму, а по моему ручному расписанию. Я ввел себе простое правило. Никаких одинаковых интервалов дважды подряд. Если уж жить в коробке, которую кто-то может отследить, пусть хотя бы слежка не будет простым занятием.

Для этого пришлось считать самому. Я сидел у консоли с блокнотом и помечал, когда запускал воду, когда резал питание на верстак, когда давал воздуху длинный цикл, а когда короткий. Нелепая работа. Будто не инженер, а человек, который учится дышать назло тому, кто стоит за перегородкой и слушает.

САРА сначала молчала, а потом все-таки не выдержала.

— Если хотите, я могу собрать вам нерегулярную таблицу.

— Нет.

— Не доверяете.

— Доверяю. Но ты ИИ, твоя нерегулярность подчинена логике.

— Приятно слышать, что вы наконец различаете красоту и ритм.

Она снова была права. Любая удобная автоматика быстро становится привычкой. Привычка становится ритмом. Ритм становится следом, на который выходят охотники.

К вечеру по моему внутреннему времени я сделал еще один неприятный шаг. Выломал тонкую сервисную пластину из мертвого верхнего шкафа и собрал из нее отражающий экран для горячего шва. Не красивый кожух, а грубую складку на дистанционных скобах, чтобы часть тепла уходила в бок и не била наружу одним понятным пятном. Работало плохо. Выглядело еще хуже. Зато карта показала, что яркий узел у фильтра стал не резче, а грязнее, рванее. В мертвой среде это почти комплимент.

Потом я перенес гермопакет со скрап-крысой из холодного отсека к шлюзовой перегородке и сразу вернул назад. Тепла он не добавлял. Но сам жест напомнил, куда теперь уходит мысль. Раньше я смотрел на любой узел только с одного края. Поможет он выжить или нет. Теперь приходилось задавать второй вопрос. Насколько громко он заявит о моем существовании всему миру.

Эта новая бухгалтерия бесила меня сильнее боли в шее и ладони.

Под ночь я решил проверить, стал ли отсек тише не только в цифрах, но и на практике. Для этого пришлось погасить вообще все лишнее и сесть у пола, спиной к холодной стенке, с рукой на внешнем сервисном кожухе. САРА возмутилась, но уже без попытки остановить меня.

— Если вы сейчас простудите свою выдающуюся тушку, я хочу хотя бы зафиксировать, что была против.

— Фиксируй.

— Уже. В нескольких язвительных формулировках.

Темнота внутри челнока была не полная, рабочая. Сквозь аварийные полосы угадывались край койки, нижняя тень верстака, бледный прямоугольник экрана, который я перевел в самый тусклый режим. Фильтр тянул редко. Вода молчала. Отсек будто специально пытался забыть, что он не просто пространство, но и мой дом.

Прислушался. Сначала я услышал обычные звуки. Собственный пульс. Подрагивание старого листа на температурном шве. Тонкий скрип ремня на скафандре, который я так и не снял до конца. Потом в паузе между двумя малыми циклами опять пришло то неправильное ощущение. Не через слух. И не через пальцы. Оно будто проступило прямо в зубах, коротким чистым щелчком, как если бы где-то очень далеко кто-то тронул металлическую нить и заставил всю мертвую конструкцию ответить ей на одну секунду.

Я поднял голову.

— Слэшала? — спросил я тихо.

— Что именно?

— Низкий звук. С чистым откликом.

САРА не ответила сразу. Я понял, что она гоняет сверку по пустым каналам, по старым служебным линиям, по обломанным внутренним датчикам, которым давно полагалось молчать.

— Есть слабая метка, — сказала она наконец. — Очень слабая. На нижнем сервисном хвосте. Но я не готова поклясться, что это не помеха.

— Частота?

— Неровная. И в этом вся мерзость. Слишком чистая для обычной пакости, слишком тихая для нормального сигнала.

Она вывела мне на экран тонкую ломаную полоску. Если смотреть без настроек, ничто. Тусклая царапина на черном фоне. Если уже однажды почувствовал ее до приборов, отмахнуться становилось труднее.

[Внештатный отклик принят]

[Источник не определен]

[Достоверность низкая]

Я перечитал три строки и ощутил неприятное сжатие, которое всегда приходит перед неудачным выбором. Система не дала мне имени для новой беды. Не одарила пониманием. Только ткнула пальцем туда, где и без нее было грязно и неуверенно.

— Повтори усиление, — сказал я.

Полоса дернулась. Чистого рисунка не вышло. Зато через несколько минут щелчок пришел снова, уже чуть правее, будто кто-то очень далеко двигался не по открытому каналу, а трогал старую структуру сектора через мертвые линии.

— Может быть дрейф обломка вокруг корпуса? — спросила САРА.

— Может.

— А может быть служебный хвост старой автоматики.

— Может.

— Может быть выживший контур, не связанный с людьми.

— Знаю.

Я перечислил для себя еще одну версию и не стал произносить ее вслух. В секторе мог быть кто-то живой. Не обязательно рядом. Не обязательно даже человек в нормальном смысле этого слова. Но уже не пустота. И тогда моя маленькая теплая коробочка с ритмом фильтра, водой и ручной защитой была для него не кормушкой, а маяком.

Любопытство тянуло сделать глупость. Дать короткий силовой всплеск и посмотреть, ответит ли дальний хвост. Поднять лампу у верстака и проверить, сдвинется ли отметка. Я даже потянулся к питанию, уже зная, чем это кончится. САРА опередила меня.

— Если сейчас дернете контур ради проверки, я поддержу вас только моральным осуждением.

— Проверка многое бы прояснила.

— Нет. Проверка многое бы рассказала о вас всему окружающему пространству.

Пальцы остановились на полпути. Я посидел так еще несколько секунд, слушая собственную злость. Она была права. Очень точно. Когда видишь задачу, хочется тыкать в нее щупом, пока не выдаст ответ. Но здесь щупом был весь мой дом.

Я отдернул руку.

— Ладно.

— О, какой редкий день. Вы не стали немедленно доказывать всему миру свою правоту, поджигая себя.

— Запиши в календарь.

— Уже. Между «перестал кормить крыс» и «понял, что база светится как маяк».

После этого я ушел к верстаку и принялся ломать еще одну полезную вещь. Снял с насоса аккуратную обвязку, которую вчера так старательно делал, и пустил ее не прямым, а ломаным маршрутом через холодный сегмент корпуса. Потерял немного эффективности. Выиграл более грязный тепловой след. Потом переставил канистру с промывкой, которая давала лишний теплый карман у стенки. Наконец, разобрал одну из нижних скоб отбоя и добавил к ней механическую заслонку из тонкой сетки, чтобы держать щель хотя бы чем-то, пока линия обесточена.

Работа шла медленно. Мелкая моторика после прошлой ночи то и дело срывалась. Дважды я ронял крепеж. Один раз выронил щуп и минуту просто сидел, смотрел на него в полутьме и считал до пяти, пока злость не перестала мешать поднять руку точно. Вот она, настоящая цена тихого режима. Холод, недосып и ощущение, что каждое неверное движение делается твое положение все более опасным.

Когда все было готово настолько, насколько вообще могло быть готово в моей коробке, база стала похожа не на растущую мастерскую, а на убежище параноика. Жить можно. Но долго я так не протяну.

САРА подвела мне сухой итог уже под самый конец цикла.

— Тепловой рисунок читается хуже. Ритм размазан. Отбой в постоянной готовности больше не висит. Воздух терпим. Вода на нижней границе удобства. Если продолжите так еще несколько суток, начнете ненавидеть все живое, а меня просто уничтожите.

— Я уже тренируюсь.

— Вижу. Но есть и хорошая новость.

— Не томи.

— Вам наконец-то стало очевидно, что рост базы и ее маскировка не дружат друг с другом.

— Это и была хорошая новость?

— Для человека, который любит знать правду до того, как она проломит стену с ноги, да. Я не ответил. Сил на ответ не осталось.

Перед сном пришлось еще раз проверить нижнюю щель, ручной пуск отбоя и новый график воды. На внешнем экране я оставил тусклую карту тепла, почти черную. Два узла все еще пробивались сквозь общую темень, но уже не так самодовольно. Зато нижний сервисный хвост оставался отмечен тонкой меткой. То исчезал, то возвращался, будто дальняя среда не решила пока, стоит ли всерьез интересоваться моим существованием.

Я лег, не раздеваясь до конца, в полухолодный отсек, который вчера казался началом настоящей мастерской, а сегодня снова напоминал аварийную нору.

Сон не шел. Тело устало достаточно, чтобы провалиться сразу, но мысли держали за горло. Если дальний отклик был просто мусорным сбоем, я все равно сделал верную вещь. Если это не сбой, то времени у меня осталось меньше, чем утром. В обоих случаях оставался один и тот же вывод.

Проблему с водой нужно решать быстрее.

Тихий режим держал базу живой и чуть менее читаемой, но он же резал запас комфорта совершенно безжалостно. Без нового источника холода и воды я либо снова разожгу отсек до заметного рисунка, либо сгнию в собственной паранойи. Выбора по-настоящему нет.

Я закрыл глаза и прислушался к базе еще раз. Фильтр дышал не в такт. Вода молчала. За старым корпусом, за обшивкой, за ржавой мертвой геометрией сектора лежала темнота, которая уже знала обо мне чуть больше, чем вчера.

Этого оказалось достаточно, чтобы больше не смотреть на ни один рабочий узел по-прежнему.

Глава 9. Ледяной карман

Утром чистая канистра у стены стала легче ровно настолько, чтобы перестать быть запасом и снова стать аргументом.

Я поднял ее на ладони, качнул, посмотрел на тонкую полоску за мутным пластиком и без всякой радости прикинул остаток. Водный круг за ночь выжал из себя еще немного жизни, но тихий режим жрал запас не хуже жажды. Фильтр дышал реже. Помпа отзывалась лениво и неровно. В отсеке стало холоднее еще на один злой шаг. Ладонь под повязкой ныла. Шея после сна в полуснаряжении поворачивалась неохотно. Пальцы сначала вспоминали боль и только потом работу.

Я сделал короткий глоток, подержал воду во рту и проглотил лишь тогда, когда организм перестал требовать еще прямо сейчас.

— Утренний баланс не радует, — сказала САРА.

— Ты удивительно мягко озвучила проблему.

— Могу жестче. Текущий режим позволяет вам жить, но плохо подходит для желания жить завтра.

На сервисном экране уже висели новые графики. Воздух держался в терпимой зоне. Вода ползла слишком медленно. Тепловой рисунок после вчерашних уродливых переделок действительно стал грязнее. Зато плата за скрытность ложилась не на график, а мне на плечи, сон и темп развития базы. Если оставить все как есть, я не умру сразу. Просто день за днем начну срезать с себя работоспособность, пока очередная маленькая поломка не окажется летальной.

Я сел к панели, вывел карту ближнего сектора и отыскал старую метку на внешнем кармане. САРА занесла ее еще после истории с водным кругом, как сомнительный шанс на залежи льда. Тогда мне хватило внутренней сборки грязного конденсата и злости. Сейчас этих трех вещей уже было мало.

Ледяной карман висел не так уж далеко от моего челнока, если мерить пустоту только цифрами. На реальном маршруте между нами лежали три ломких перехода, один мертвый сервисный рукав и участок старой грузовой фермы, где металл давно привык сдвигаться без предупреждения. Раньше я бы пошел туда с пустыми руками и надеждой на быстрый улов. После вчерашнего теплового следа так поступать уже не хотелось. Любой выход теперь нужно было просчитывать дважды. Что он даст базе и что он расскажет о ней миру.

— Если хотите услышать скучное, — сказала САРА, — я против спешки.

— И я против. Только вода на такое не ведется. А еще есть проблема с едой.

— Маршрут сложный. В кармане высокий шанс акустического провала.

— Знаю.

Она вывела поверх схемы три коротких предупреждения. Старые крепления. Ледяная пыль. Слабая читаемость напряжения. Я смотрел на них и ощущал знакомый холод под ребрами, который приходит от задачи, где ошибку нельзя исправить сразу.

Идти все равно пришлось бы. Разница была только в том, пойду ли я как человек, у которого еще осталось уважение к собственной базе, или как жадная тварь, желающая принести домой весь лед мира за один рейс и потом сдохнуть у самого шлюза, не сумев закрыть створку.

С этого я и начал. С предела.

На верстак я выложил две мягкие канистры, сервисную кассету, шнур, игольник и резак. Одну канистру сразу убрал, следом отложил лишний крепеж. Сегодня важен был не объем, а наличие результата. «На всякий случай» в Нулевой Зоне слишком часто притворялось предусмотрительностью, а потом било тебя собственной массой.

— Непривычно видеть у вас спонтанное самоограничение, — заметила САРА.

— И не говори.

— Просто фиксирую очередной проблеск взрослой мысли.

Сервисную кассету я обмотал отражающей пленкой, крышку посадил на быстрые зажимы, к шнуру добавил три магнитные метки. Возвращаться предстояло по памяти маршрута. Базу тоже пришлось оставить в сложном состоянии. Ровный режим и есть подпись, поэтому я собрал для САРЫ уродливую таблицу циклов. Воздух. Пауза. Сброс. Длинная тишина. Одиночный импульс воды. Достаточно неровно, чтобы не выглядеть привычкой. На короткий промежуток времени.

— Если не вернетесь вовремя, — сказала САРА, — я смогу протянуть еще немного за счет воздуха и холода. Потом мне придется выбрать, что сдохнет первым.

— Не вдохновляет.

— Я ИИ ассистент, а не рекламный отдел.

Скафандр сел на тело еще тяжелее, чем в прошлый раз, я худел. Поджал ремни на боку, проверил заплату на рукаве, закрепил на бедре кассету и игольник. Перед выходом еще раз оглянулся на отсек. В тихом режиме челнок выглядел рухлядью. Все внутри держалось не на запасе прочности, а на моем контроле. Именно поэтому я так не любил уходить далеко.

Шлюз выплюнул меня в пустоту без всякого напутствия.

Снаружи мир оставался тем же. Мертвая геометрия сектора. Рваные фермы. Заглохшие карманы. Ледяная пыль на кромках. Редкий свет на дальнем мусоре. Только после вчерашней проверки теплового следа я уже не видел в этом обычную пустоту. Слишком много в ней оказалось глаз, которым не нужны зрачки.

Первую магнитную метку я оставил на спинном ребре своего челнока. Не потому, что боялся потерять его из виду. Боялся иного. Той минуты на возврате, когда усталость начнет уверять меня, будто я и так все помню, а потом один неверный поворот сделает память бесполезной.

До грузовой фермы я шел медленно, проверяя каждый переход всей длиной тела. Обычно такие места читаются по дрожи и внутреннему звуку. Здесь, чем ближе я подходил к ледяному карману, тем хуже работали привычные подсказки. Сначала пропала мелкая вибрация. Потом исчезли дальние отзвуки. Шаг под подошвами стал похож не на разговор с конструкцией, а на движение по чужой ватной памяти. Лед съедал звук между вещами, и от этого каждая следующая опора казалась надежной до самой секунды обвала.

— Вы были правы, — сказала САРА, когда я остановился у второго перехода и снова приложил ладонь к ферме.

— По какому именно редкому поводу?

— Это хуже шума.

Я не ответил. На шум можно злиться. Шум выдает себя заранее. Тишина в таком месте ведет себя иначе. Она до последнего убеждает, что здесь вообще нечему случаться.

У края сервисного рукава мне наконец пришло окно.

[Зона: Карманный ледяной рой]

[Акустическое затухание повышено]

[Чтение напряжения снижено]

[Ресурсный карман нестабилен]

Я перечитал строки, зло усмехнулся и провел перчаткой по обледенелому поручню.

— Спасибо. Очень вовремя.

— Меня тоже восхищает, как Система умеет опаздывать и выдавать информацию, когда она уже стала известной, — сказала САРА.

Сам карман открылся как сгусток мусора на старой ферме. Две полураскрытые кассеты и плотная серо-голубая масса между ними. Не ровный лед, а слоистый, мутный, с черной пылью и старым мусором внутри. В нескольких местах наружу торчали дренажные трубки, замурованные в мерзлый кокон.

Я подцепил лед игольником у ближней кромки и получил в ответ только короткое сопротивление. Плотно. Но не монолит. В глубине могли сидеть полости, а полости в таких местах любят трескаться целиком.

— Масса? — спросил я.

— Если брать ближний пласт без жадности, хватит на несколько циклов уверенной работы. Если замахнетесь на центральный объем, вернетесь в обнимку с красивой катастрофой.

— Сразу видно заботу.

— Я стараюсь формулировать нежно, когда это безопасно.

На правой кассете под коркой льда еще читалась старая служебная маркировка. Конденсат. Технический сбор.

Я оставил вторую магнитную метку у входа и лишь потом полез ближе. Резак в ледяной зоне требовал не силы, а терпения. Слишком длинный импульс унесет лед вместе с новой трещиной. Слишком короткий превратит работу в издевательство.

Поэтому я выбрал шов.

Не самый толстый слой. Не самый богатый участок. Узкую границу между ближней кассетой и внутренним карманом. Там можно было вскрыть доступ, снять верхний клин и вырезать живой кусок без попытки унести домой всю промерзшую удачу сектора.

Первый проход занял почти десять минут и дал жалкий результат. Белая нитка резака легла ровно, зато под кромкой вспухла мутная влага и тут же застыла новой стеклянной коркой. Я остановился, убрал тепло и начал отбивать край ломиком по миллиметру. Лед отвечал скупой. Ни благодарности, ни понятной угрозы. Только иногда через перчатку доходил короткий сухой толчок, будто внутри пласта менял позу очень сонный зверь.

— Ниже не режьте, — сказала САРА.

— Почему?

— Левая кассета просела на два миллиметра.

Я остановился.

Два миллиметра. Снаружи ничего. Пришлось менять угол. Я перешел вправо, снял узкий верхний сегмент и только тогда добрался до первого пригодного куска. Он вышел не льдиной, а тяжелым полупрозрачным клином с грязной сердцевинкой. Я уложил его в кассету, зажал пленкой и ощутил почти животное облегчение. Уже не пустой рейс. Можно развернуться домой и не считать вылазку провальной.

Именно в такие минуты жадность обычно начинает говорить голосом здравого смысла.

Раз уж дошел. Раз уж зона открылась. Раз уж первый клин вышел чисто. Почему не взять центральный объем. Почему не попробовать вытащить половину кармана. Почему не подарить себе запас сразу на много циклов.

Я стоял перед льдом и слишком ясно слышал эту логику. В ней всегда есть особая мерзость. Она почти никогда не врет про выгоду. Она врет про последствия.

— Если сейчас начнете резать сердцевину, — сказала САРА, — я заранее сообщаю: право осуждать вас у меня сохранится даже после вашей возможной гибели.

— Возможной.

Я все равно попробовал второй рез.

Не в центре. Чуть глубже под первым клином. Хотел проверить, насколько далеко тянется плотный слой и не удастся ли снять еще один хороший кусок без общего срыва. Белая нить ушла в лед на ширину пальца. Потом на две. Потом под кромкой что-то изменилось.

Пустота под инструментом стала другой. Новой, неестественно мягкой.

Я убрал палец с курка за мгновение до того, как вся правая стенка кармана едва заметно подалась вперед. Всего на волос. Но этого хватило. В глубине прошла темная трещина, ледяная масса дрогнула и начала оседать сразу несколькими пластами, медленно и страшно, будто сама

пустота решила поменять форму без всякого уважения к человеку, который торчит у нее в кишках.

— Назад! — запоздало рявкнула САРА.

Я уже отходил.

Левый магнитный башмак сорвало с пыльной кромки, и меня развернуло плечом к ферме. Я врезался боком в ребро, удержал резак, едва не потерял кассету и только потом увидел, как правый верхний пласт ломается целиком. Красивый, толстый, почти чистый кусок льда, за который я только что внутренне торговался с собой, бежал от меня в медленном беззвучном полете. Часть ударилась о контейнер и разлетелась серым стеклом. Часть унесло глубже в темноту кармана. Еще часть повисла на старой трубке и через секунду вырвала ее из крепления, выплюнув в пустоту облако мелкой мерзлой пыли.

Карман не взорвался. Просто забрал ту долю, которую я не успел забрать.

Я висел на одном башмаке, второй ногой цеплялся за ферму и считал вдохи.

— Отчет, — сказал я.

— Правая кассета потеряна как опора. Центральный объем теперь нестабилен. Ближняя кромка еще жива. Возвратный маршрут цел. Если сейчас продолжите преследовать идею большого улова, я добавлю к диагностике личное презрение.

Хорошая формулировка. Даже возразить было нечем.

Я подтянул себя обратно к ферме, погасил резак и несколько секунд смотрел на пролом. Внутри темнел отличный запас. Именно поэтому он и был опасным. Мозг очень любит то, на поверхности.

Тогда интерфейс вспыхнул снова.

[Извлечение пересчитано]

[Полезный объем подтвержден]

[Избыточная нагрузка снижает итоговую ценность]

[Сохранность маршрута повышает результат]

Я коротко выдохнул через зубы.

— Система решила дать подсказку.

— Не обольщайтесь, — ответила САРА. — Она просто снова доказала, что считает вас частью учета.

Может, и так. Только здесь ее сухая канстотация совпала с реальностью.

Я добрал с ближней кромки еще два малых клина, не лезя глубже. Работал уже без иллюзии, очень медленно, с паузами после каждого движения. Кассета наполнилась не мечтой, а тем объемом, который можно было донести, не превращая обратный путь в цирк с трупом. Когда зажимы сошлись на крышке, лед внутри тихо ударил в стенку, и этот маленький глухой стук прозвучал лучше любого сигнала.

Хватит.

Самое трудное слово во всей вылазке.

Возвращаться пришлось боком, почти все время держась свободной рукой за ферму. Кассета тянула вниз инерцией. В узком переходе любая дополнительная масса быстро становится отдельным испытанием. Третья магнитная метка на выходе дважды спасла меня от слишком ровного, слишком удобного ложного поворота.

Хуже всего дался средний переход.

Там ледяная пыль легла на старый лист такой тонкой скользкой шкурой, что магниты взяли корпус только со второй попытки. Я присел, прижал кассету к себе и вдруг уловил справа движение. За мусорной грядой, далеко, на черной кромке висело что-то слишком большое и слишком правильное для обычного сектора. Не близко. Не сейчас. Просто тяжелый силуэт, который не хотел растворяться среди прочего хлама.

— Видишь? — спросил я.

— Вижу крупный остов. Данных мало.

— На бытовой мусор непохоже.

— И это как раз та мысль, которую вам полезно отложить до возвращения домой.

Она снова попала в точку. Но взгляд все равно цеплялся. В таких местах размер сам по себе уже обещает либо богатство, либо расплату. Иногда оба сразу. Я отвернулся только тогда, когда кассета дернула ремень на бедре и напомнила, за чем именно я вышел.

Шлюз я закрыл с тем особым облегчением, в котором больше усталости, чем радости. База встретила меня своим ленивым уродливым дыханием. Воздух не сдох. Вода не сдохла. Отсек за время моего отсутствия остыл еще немного, но держался. Уже за это я был готов простить ему половину тесноты.

— С возвращением, — сказала САРА. — Удивительно непредсказуемый результат.

— Еще не результат. Только сырье.

— С вами я давно перестала путать эти стадии.

Лед в кассете за дорогу не расплзся. Я уложил ее к холодному ребру шлюза, снял крышку и быстро осмотрел добычу. Грязи хватало, зато плотный чистый слой в сердцевине пережил путь. Дальше началась обычная для базы алхимия. Я поставил под кассету ломаный желоб, отвел первичный грязный сток в отдельную емкость, вынес биомембрану в новый контур и посадил сорбент в два разных кармана. Чистый поток пошел ниже. Муть осталась в верхней ловушке. Холод от льда я заставил работать и на воду, и на тепловой буфер у шлюза, чтобы фильтр не жрал лишнюю мощность.

Работа шла медленно. От усталости я дважды брал не тот ключ. И один раз так неудачно развернул корпус, что боль в шее прошла висок, заставила сесть прямо на пол, пока в глазах не перестало рябить. САРА молчала ровно до той границы, после которой молчание уже походило бы на соучастие.

— Пауза.

— Потом.

— Вы злоупотребляете этим словом.

— Потому что оно любит приходить вовремя.

— Именно поэтому его и стоит использовать вовремя.

Пришлось послушаться. Я сделал два глотка старой воды, посидел у верстака и посмотрел, как первая чистая капля из нового контура бьет в дно приемной канистры. Следом пришла вторая. Потом третья. Вот здесь я и позволил себе осторожную надежду. Не на изобилие. На ритм. До сегодняшнего дня водный круг жил как аварийный фокус. Теперь в схеме появился запас холода, буфер грязного стока и возможность не кормить каждый цикл своей полной сосредоточенностью.

Я переставил приемную канистру, закрепил нижний узел еще двумя скобами и только тогда вывел на экран новую таблицу. Температура ребра. Скорость таяния. Качество первичного стока. Нагрузка на фильтр. Все четыре кривые больше не дрались между собой так беззастенчиво, как раньше. Одна уступала другой. Схема начала жить не наперекор базе, а внутри нее.

— Отчет, — сказал я.

Пауза вышла длиннее обычного. САРА не любила спешить там, где цифры могли подарить человеку слишком раннее чувство победы.

— Грязный сток отделен. Чистый контур стабилизируется. Запас холода позволяет снизить прожорливость водного цикла. При текущем темпе у вас впервые появляется право думать о завтрашнем дне без мелодрамы.

— Звучит почти ласково.

— Не обольщайтесь. Если забудете продувку, все снова станет злым.

— Вот это уже родной голос.

Она фыркнула бы, будь у нее легкие.

Следующий час ушел на доводку. Я вырезал для кассеты постоянное место у шлюзового ребра, подвел отвод, укрепил верхний карман сорбента и даже позволил себе роскошь нормальной маркировки. Грязный сток. Чистый поток. Продувка. Слив.

Только после этого Система решила признать очевидное.

[Локальный водный цикл закреплен]

[Буфер хранения признан]

[Функция базы расширена]

[Уровень повышен: 4]

Я перечитал окно, потом посмотрел на канистру, где уже лежал тонкий правильный слой новой воды.

— За лед? — спросил я.

— За переход, — сказала САРА. — Раньше вы выцарапывали у среды отдельные глотки. Теперь перевели воду в устойчивую часть базы. Разница маленькая только для людей, которые любят умирать от недооценки.

Она, как всегда, попала точно. Уровень пришел не за удачную находку саму по себе. И не за красивый выход в пустоту. За то, что лед перестал быть трофеем и стал правилом жизни.

Я не праздновал. Честно говоря, сил бы просто не хватило. Плечо налилось тупой тяжестью. Ожог под повязкой снова ожил от долгой мелкой работы. Пальцы начали хуже слушаться после того, как все заработало. Тело вообще любит такие шутки. Пока беда жива, оно терпит. Стоит делу сдвинуться к результату, сразу вспоминает о долгах.

Я сел у верстака и вытянул ноги, стараясь не задеть новый контур. Вода капала уже не как насмешка, а как рабочий звук. Фильтр дышал в своем уродливом тихом расписании. Холод у шлюза наконец работал на меня, а не просто против моего лица.

САРА молчала дольше обычного, потом сказала почти сухо, но без яда.

— Теперь это похоже на базу, которая сможет пережить не только один плохой день.

Я повернул голову к шлюзу.

Снаружи темнота никуда не делась. Нулевая Зона не становится мягче только потому, что у тебя в канистре прибавилось воды. И все же что-то сегодня сместилось. Раньше я гнался за каждым глотком так, будто база жила только ближайшим часом. Теперь у нее появился холодный запас, который можно трогать руками, а не только высчитывать по крупице.

Я поднялся, подошел к внешнему экрану и вывел грубую карту сектора. Мой челнок на ней выглядел все так же жалко. Карман льда мигал слабой меткой. А дальше, за рваным поясом мертвого железа, темнела та самая слишком правильная масса, увиденная по дороге назад. Далекая. Тяжелая. Неприлично крупная для моего нынешнего спокойствия.

— Уже думаю, — сказал я.

— Вижу, — ответила САРА. — И заранее считаю это дурным признаком.

— Не сейчас.

— Вы удивительно редко умеете останавливаться именно на этих двух словах.

Я посмотрел на каплю в новой канистре, потом снова на дальний силуэт. Сегодня я все-таки остановлюсь. Не из мудрости. Из усталости и потому, что база впервые за долгое время заслужила хотя бы один цикл без новой катастрофы. За экраном висела мертвая, злая, очень большая тень. Внутри челнока вода наконец перестала быть чисто аварийным трюком. Между этими двумя фактами и проходила новая граница моей жизни.

Глава 10. Буксир «Мнемозина»

Новый контур у шлюза наконец начал капать по правилу, без моего постоянного надзора. Роскошь опасная. Стоило базе хотя бы на один цикл перестать быть чистым авралом, и взгляд сразу потянуло к дальнему силуэту на экране.

Огромная тень висела там же, где я оставил ее вчера. Слишком правильная масса, слишком длинный борт, слишком спокойная геометрия для обычного хлама. После ледяного кармана я мог бы подарить базе один тихий цикл и не лезть никуда крупнее очередного сервисного рукава. Мог бы. Вода впервые перестала давить на горло каждый час, и из этой поблажки сразу выросла дурная мысль.

Большой объект почти всегда несет двойную беду. Снаружи у него масса и старые механизмы. Внутри ждет память о нормальной жизни. На малом хламе ошибается человек. У буксира ошибается уже тонна железа.

— У вас лицо человека, который сейчас добровольно выберет крупную ошибку, — сказала САРА.

— Я только смотрю.

— Ваше только смотрю уже сто раз превращалось в новую форму физических страданий.

Спорить было трудно. Вчерашний холод так и сидел в пальцах. Ладонь под повязкой ломило при каждом резком хвате. Шея после сна в полуброне поворачивалась с ленивой злобой. Зато новый водный цикл держался. Воздух не врал. База впервые не требовала от меня всей головы сразу. Именно поэтому я и не мог больше спокойно смотреть на темный остов за поясом мусора.

Карту ближнего сектора я вывел поверх старой разметки и быстро понял, что прямого маршрута до махины здесь нет. Есть цепочка уступок, терпения и мелких отказов от удобства. На малых дистанциях я еще мог позволить себе дурь и лишний рывок. На большой, любой неправильный выбор сразу становился потенциальной причиной больших потерь.

Ограничения я поставил сразу. Никаких дальних отсеков без обратного окна. Никакого крупного вскрытия. Никакой добычи, которая начнет ограничивать меня по дороге домой.

На верстак лег другой набор, не как для ледяного кармана. Тестер, ручной домкрат, две магнитные стяжки, страховочный шнур, ломик, узкий фонарь, кассета под съемный блок и мягкий подвес под тяжелую находку. Резак я тоже взял, но сразу убрал подальше. Крупный корабль не любит людей, которые первым делом начинают его жечь.

Базу пришлось оставить в еще более уродливом, но тихом рисунке. Воздух, пауза, длинная тишина, короткий сброс, одиночный водный цикл у шлюза. Не график, а нервный кашель курильщика.

— Если не вернетесь, — сказала САРА, — я протяну дольше, чем раньше. Но, на спокойную старость все равно не рассчитывайте.

Перед шлюзом я еще раз проверил ремни на подвесе, шов на правой перчатке и угол, под которым кассета не будет бить по бедру на каждом развороте. Мелочь. В Нулевой Зоне именно мелочь потом превращается в ту форму злости, которая ломает руку на ровном месте. За спиной тихо капала новая вода. База впервые звучала не как аварийная нора, а как место, которое уже обошлось мне слишком дорого. Уходить от такого труднее, чем от голой консервной банки. Когда внутри уже что-то держится, каждая вылазка начинает пахнуть не личной дурью, а риском для дома.

Шлюз выпустил меня в мертвую темноту. Вода, карты, мастерская, даже этот новый рабочий ритм у базы не меняли главного закона Нулевой Зоны. Снаружи по-прежнему висел мертвый сектор, которому плевать, насколько умно ты сегодня распланировал себе утро.

Машина росла медленно. Сначала просто крупная тень. Потом в ней начали проступать ребра внешних ферм, толстые узлы буксирных захватов, спина корпуса с облезлой полосой старой краски и имя вдоль борта, будто написанное для мира, где корабли еще кому-то принадлежали, кроме времени и мусора.

«Мнемозина»

Подходя снизу, я почувствовал то неприятное смещение масштаба, которого не чувствовал рядом с обычным хламом. Тут уже не ты оцениваешь железо, а железо само оценивает, достаточно ли ты мал, чтобы тебя не замечать.

Система вывела окно только тогда, когда буксир занял половину поля зрения.

[Объект обнаружен: Тяжелый тягловый буксир «Мнемозина»]

[Статус: мертвый дрейф]

[Архивная сигнатура: частично читаема]

[Внутренние карманы давления: не подтверждены]

[Добыча: смешанный ранг]

— Очень полезно, — сказал я. — Значит, не мелочь.

— Зато теперь официально подтверждено, что вы суетесь в опасную зону.

Внешний борт хранил остатки того порядка, которые давно пропали со всех мелких объектов вокруг. Антискользящие полосы, разметка под тросы, живые болты на крышках доступа. «Мнемозина» пугала не масштабом, а необычной тут нормальностью.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.